

Вячеслав Курицын

У метро, у «Сокола»

«Мне интересно все,
что пишет Вячеслав Курицын, —
в любом жанре»

Борис Акунин

винтажный
детектив

Вячеслав Николаевич Курицын

У метро, у «Сокола»

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67720079

У метро, у «Сокола»: Лайвбук; Москва; 2022

ISBN 978-5-907428-47-8

Аннотация

Ностальгический детектив с головой погружает в эпоху, когда милиционеров не боялись, «следствие вели знатоки», а преступники не оставались безнаказанными. Автор любовно воспроизводит приметы времени, буквально оживляя вид столичных улиц и наполняя роман мельчайшими деталями быта. 1975 год. Между московскими районами Сокол и Аэропорт происходит несколько зловещих убийств: жертвами оказываются никак не связанные между собой пожилые женщины. За дело берется капитан Покровский с Петровки, 38. Клубок тайн запутывается, в сферу внимания следствия попадают фарцовщики с Беговой, хозяйственные работники спорткомплекса ЦСКА, неожиданно всплывает след очень древней иконы, а в одном из моргов столицы обнаруживается тело без документов...

Детектив, написанный с искрометной иронией, читается на одном дыхании.

Чистый восторг для всех, кто хотел бы вспомнить времена своего детства и юности или побывать там, куда добралась «машина времени» Вячеслава Курицына.

Содержание

26 мая, понедельник	6
27 мая, вторник	45
28 мая, среда	74
29 мая, четверг	96
30 мая, пятница	129
Конец ознакомительного фрагмента.	131

Вячеслав Курицын

У метро, у «Сокола»

© Вячеслав Курицын, текст, 2022

© ООО Издательство «Лайвбук», оформление, 2022

* * *

Сергею Титинкову

26 мая, понедельник

У Жунева новые часы, какие-то хитрые, плохо видно под линиялым рукавом. В кабинете за две недели ничего не изменилось, только вентилятор прибавился, основание синее, лопасти белые.

– Яркова Юлия Сигизмундовна, – открыл папку Жунев, – одна тысяча девятьсот десятого года рождения. Кирпич на голову, тяжелый, дореволюционный. С балкона аварийного здания на Скаковой улице. Двенадцатого мая, днем... Тринадцать пятьдесят точное время. Скончалась на месте.

– Еще и кирпич! – поднял брови Покровский. – Ты мне про эту Яркову не рассказал, когда я в четверг звонил.

– Еще не знал про нее! А после Петровского парка Подлубнов вызвал меня, говорит, смотри, какая была еще история с кирпичом на Скаковой. Получается не две ветеранши подряд, а три, и все близко, примерно вокруг «Динамо». Я поехал, конечно. Развалюха, все на соплях. Сейчас заколотили, балкон сеткой обвесили. А толку, бабушка уже тю-тю...

– Ничего не нашел в доме?

– Ни хрена. Прошло, – Жунев обернулся к настенному календарю с рекламой «Аэрофлота» в виде старика Хоттабыча на волшебном ковре, потыкал карандашом в цифры, – одиннадцать дней, когда я приехал. Районные менты ходили на балкон, натоптали. Откуда кирпич – видно, но явных следов

недавнего присутствия человека нет.

– В обеденный перерыв в людном месте, – прикинул Покровский.

– А я о чем! Свидетелей полно. Все видели момент падения кирпича на старушку. А чтобы кто-то что-то на балконе увидел – никто ничего.

– Кирпич старушке по макушке – вроде классика, – сказал Покровский. – Но в моей практике не встречалось.

– В моей тоже, – согласился Жунев. Закурил свои «Столичные». Включил и тут же выключил вентилятор. – А в практике данной старушки встретилось. В общем, на несчастный случай похоже, как сразу и записали.

– А на убийство? Возможно технически?

– Технически да. Кинул – сразу на карачки и в дом. Сзади из-за дома вышел и смешался с толпой. Но это только технически. А в реальности это дикость какая-то.

Ровно две недели назад. Только праздники отшумели.

– Ясно. Вторая, значит, железякой у железки?

Жунев зачитал про вторую. Нина Ивановна Ширшикова, 1907 года рождения, двадцатого мая в 23:01 сошла на станции «Гражданская» с электрички со стороны центра. Между станцией и местом жительства Нины Ивановны в проезде Соломенной сторожки пролегает короткий и грязный Чуксин тупик. Гаражи, склады, пролом в заборе в Тимирязевский лесопарк, кривой фонарь с тусклой лампочкой. Здесь и срубил неизвестный злодей Нину Ивановну ржавым рельсом

уверенным страшным ударом.

Следы – есть. На рельсе ниточки, похоже, что от нитяных перчаток. На влажной почве отпечатки галош фабрики «Красный треугольник» сорок четвертого размера. И непосредственно подле трупа, и довольно много – в тени заколоченной будки у забора. Убийца ждал, топтался.

– Окурков не было, – добавил Жунев. – Ждал-топтался, а окурков нет. Значит, не курит.

– Или в карман. А пепел затоптал, – предположил Покровский.

Труп обнаружили пассажиры со следующей электрички, 23:40, хмельная компания. Жунев как раз дежурил по городу – так, собственно, их группе и достались все мертвые старушки, включая предыдущую и сколько еще будет дальше. Неподалеку от тела хозяйственная сумка, там паспорт, сезонный проездной в кошельке, семь с небольшим рублей, ключи от квартиры, палка дефицитной сырокопченой колбасы.

Жила Ширшикова одна в однокомнатной квартире без телефона. Соседи рассказали, что захаживал – заезживал на «Волге»! – племянник. Но номера «Волги» не помнили, а та соседка, что с Ниной Ивановной близко дружила, укатила на свадьбу к родственникам в Майкоп, и записной книжки в квартире убитой не было.

Сначала Жунев – еще не знавший о Ярковой и кирпиче – придерживался версии пьяного хулиганства. Силушка у ко-

го-то взыграла, а настроение не очень, вот для потехи и впечатал в Нину Ивановну ржавый рельс.

– Если ждал-топтался, – возразил Покровский, – значит, не случайно... Хулиган увидел бы старушку и хватить рельс, а этот ждал.

– Может стоял мумукал, ужратый. Баба выгнала. Или, знаешь, бывает, блатной в карты проиграет жизнь первого пассажира со станции...

– Сплошь и рядом, – кивнул Покровский.

– Еще через день третья старушка, в Петровском парке. Это днем двадцать второго. Я туда не мог, был на другом убийстве... в Битцевском... ну неважно. Сидел там до утра. Двадцать третьего поехал в Петровский, а тут как раз соседка Ширшиковой вернулась... Этой, убитой рельсом. Позволила сюда, попала на Кравцова, дала ему наводку на племянника Ширшиковой.

Жунев снова закурил. Рассказал, явно затягивая, хитро на Покровского поглядывая, что сначала племянника Кравцов дома не застал, только жену с детьми... Записная книжка Ширшиковой, кстати, у них и нашлась, забытая. И от жены-то и узнали, что Ширшикова была у нее, и на какую точно электричку она пошла. Связались с племянником, он прикатил из Калинина, что ли...

Жунев глянул в бумаги:

– Да, из Калинина. И Кравцов его задержал, понимаешь, привез сюда, тут бардак, племянника в обезьянник...

– Много, я вижу, уже проведено плодотворной работы, – заметил Покровский.

– И знаешь, кто он?

– Кравцов? Пионер-герой.

– Я про племянника. Это Григорий Панасенко, тот самый козлина!

– О! И Кравцов задержал Панасенко? Я и говорю, пионер-герой.

Панасенко лет шесть назад должен был сесть, Покровский с Жуневым ему в этом помогали как могли. Панасенко был кем-то вроде телохранителя при цеховиках, проходил по довольно жесткой истории, но в какой-то момент дело у Жунева под благовидным предлогом отжали, а при новом следователе из дела исчез кастет, получил Панасенко условно. Выглядел при этом Панасенко донельзя солидно, как мафиози высшего звена из заграничного фильма. А Кравцов – три года после университета, уже не такой желторотый, каким попал на Петровку, шея не такая тонкая, плечи чуть-чуть развернулись, но на фоне Панасенки еще котенок.

Жунев включил вентилятор.

– У тебя не душно, – заметил Покровский.

На улице май шелестел молодыми листьями, ярко-зелеными под солнцем после утреннего дождика. Всюду сирень, дурманящий запах, зовущий куда-то... на работу, например.

Жунев выключил вентилятор.

– Проверяю. Новые выдали.

– Да, видел в кабинете.

– Мой сломался сразу, это второй... Короче, Панасенко в ярости. Кравцов предположил, что Панасенко тетку из-за квартиры мог грохнуть, а Панасенко на него смотрит как на вошь.

– Представляю.

– Ширшикова помогала его жене с маленьким, там у него третий растёт. Живут они у Курского вокзала, прямая электричка до «Гражданской» полчаса. Тетка им пирожки, они ей – копченую колбасу. Дружили, Панасенко говорит, с теткой не разлей вода, и вообще у нее медали есть боевые, не только эта новая. И развернулся к Кравцову. Я думал, врежет.

Покровский кивнул.

– Жалко, что не врезал, – продолжал Жунев. – Тогда бы я с чистой совестью врезал Панасенке...

– А Кравцов что?

– А неплохо, кстати... Не дернулся.

– Нет у Панасенко предположений, кто мог на тетушку напасть?

– Предположений нет, но, говорит, эту гниду, если б найти, голову бы отвинтил руками...

– Пусть ищет, – сказал Покровский.

– Ну, так я не мог ему ответить... – сказал Жунев.

– Чем он занят-то сейчас? Трудоустроен?

– Еще как. И других устраивает. Бригадир надомниц.

– Ясно... Панасенко впрямь в Калининне был?

– Да. Там есть фабрика, полистироловые тазы производит, а он их оптом скупает и хреначит из них солнечные очки.

– Полезное дело, – сказал Покровский.

Жунев поморщился. Встал, включил чайник. Продолжил. третья жертва – Петровский парк. Четверг, двадцать второго, около 16 часов. Одинокая пенсионерка Варвара Сергеевна Кроевская сидела на скамейке близко к кустам, из кустов, судя по всему, и вышел человек и ударил ее по голове куском асфальта.

У Жунева был заграничный электрический чайник, большая редкость. На вопрос, где взял, отвечал: «Взятка!» Звучало увесисто, ибо не так давно Жунева впрямь поймала на взятке инспекция по личному составу. Дело было не очень серьезное, Жунев переквалифицировал кражу автомобиля в угон. За угон куда меньше срок, и так часто делают на пользу и следователю, и обвиняемому. Генерал Поддубнов замял тогда эту историю, Жуневу о взятке старались не напоминать. Иногда он сам напоминал таким вот нахальным манером.

– Куском асфальта? Ты булыжником говорил!

– Это я образно, чтобы не усложнять по межгороду. Там на дороге рядом меняли асфальт, старый расхреначили, и там такие серьезные куски. Асфальт спрессованный. Кило на три кусок.

– И опять, как на Скаковой, средь бела дня никто не видел

убийцу? – уточнил Покровский.

– Ни одного свидетеля! Опросили сто человек, никто ничего подозрительного не видел. Все обычно, с детьми в парке люди, с собачками, любители бега...

– Любитель бега!

– Пробегал мимо и жажнул? Не с куском же он асфальта бежал.

– С куском нелепо... Все вообще нелепо, трем старушкам голову расколотили. Уезжай вот так из Москвы.

– Ты же любишь нелепое. От остальных дел отодвинься, сосредоточишься на старушках. Подлубнову уже пистон вставили, что к юбилею Победы такая дрянь. Жертвы кто вовел, кто в тылу пахал... Будут тукать из министерства.

– А следы галош есть в Петровском? – спросил Покровский. Конечно, он был заинтригован, но тон избрал подчеркнуто равнодушный.

– Следов нет. За скамейкой довольно высокая трава, а тропинки утопанные.

– На куске асфальта кровь жертвы, и все?

– Еще у экспертов.

– Кто труп обнаружил?

– Женщина с коляской. Это место не самое проходное, но все равно проходное. Замеряли в пятницу... – Жунев сверился с делом. – Посадили практиканта на скамейку с половины четвертого до половины пятого, мимо прошло двенадцать человек, до фига. Обнаружено тело в пятнадцать пять-

десять девять, но, я думаю, самый максимум десять минут оно пролежало... Будешь кофе растворимый?

– Рисковал злодей. Кофе давай.

– Рисковал, как и с кирпичом... если убийство. Но, опять же, если хорошо знать парк, ориентироваться в тропинках...

Влетел, едва постучав, старший лейтенант Кравцов. Всклобоченный, с безумным взглядом, форменная куртка не на ту пуговицу застегнута, перекошена.

– Товарищ майор! Товарищ капитан! Еще две старушки! Опять на «Динамо»!

Жунев отреагировал непечатно.

– Знатный урожай жнет смерть нынешним маем среди представительниц старшего поколения москвичей, – обобщил Покровский.

– Эти две целы, – выдохнул Кравцов. – Машина уже ждет.

– Я пас, – поднял ладони Жунев. – Экспертов возьмите и валяйте.

Покровский встал.

– С возвращением, товарищ капитан, кстати! – сказал ему Кравцов. – Как там Сибирь? Прирастает могуществом?

Кравцов перепутал, что чем прирастает. Прогноз Ломоносова из школьных учебников звучал так: «Могущество российское прирастать будет Сибирию». Не она то есть прирастает, а ею. Но это неважно. Тем более что Покровский и не был в Сибири.

– Я на Урале был. Ладно, мы едем, кофе позже.

– Там рядом кофейня есть, – сказал Кравцов. – Но разве Сибирь это не Урал?

Кравцов и в Москве пока не идеально ориентировался. Сказал, что на «Динамо» опять, а поехали дальше, и «Аэропорт» проехали, свернули с Ленинградского проспекта уже на «Соколе».

– «Каркасы» место называется, – сказал Кравцов. – Не знаю, что такое.

Покровский знал. В глубине Чапаевского парка уродливые металлические конструкции за деревянным забором. Это был разобранный и обратно не очень собранный гитлеровский ангар, который будто бы привез из поверженной Германии Василий Сталин, сын того Сталина. Не сам, понятно, а по его команде менее знатные люди как-то этот экстравагантный трофей сюда перли.

– Вот это да! – искренне удивился Кравцов. – Сколько всего в Москве интересного!

Да, интересно, сколько железнодорожных платформ, была ли на эту штуку инженерная документация, что не позволило нахлобучить на нее стены спортзала для авиаторов, как планировалось. Любопытно прочесть про это в «Науке и жизни» статью со схемами, но слишком, наверное, много секретной правды пришлось бы вставить в такую статью.

Воздух в парке свежий и даже праздничный: кому горе и беда, а у Покровского после отпуска энергия и предвкушение интересных событий.

Местные милиционеры просят местных жителей не толпиться у тополя. Рядом перепуганные, но невредимые подружки-пенсионерки. Унылый майор из местного отделения разговаривает с ними строго, будто не пострадавшие перед ним, а подозреваемые. Покровский вмешался, наладил товарищеский тон.

Обе подружки были санитарками и в финскую, и в Великую Отечественную. На груди у них поблескивали свежие яркие медали. Две недели назад миллионам граждан СССР – всем, кто воевал или работал в тылу, – вручили медаль к тридцатилетию Победы. Сестре Покровского Саше в Свердловске тоже досталась такая медаль. Участники войны последние десять лет, как День Победы стал выходным, в начале мая надевали награды, но не все участники: кто-то мог стесняться, что наград слишком много или, наоборот, немного. А эту новую медаль, демократичную, приуроченную к конкретной дате, было уместно носить отдельно, и сверкала она в эти дни на многих и многих жакетах и пиджаках.

Одна из санитарок к другой приехала в гости из Воронежа. Возвращались вчера поздно с улицы Викторенко – это у «Аэропорта», пятнадцать минут ходьбы – в Чапаевский переулок. Засиделись у третьей своей фронтовой подружки, с которой в тот день случилась большая неприятность. Протирала оконце между кухней и ванной комнатой, грохнулась с табуретки, много сильных ушибов.

– Лежать будет может месяц, синячищи вообще прям, ух

не могу, – рассказывала та, которую Покровский пронумеровал про себя как старушку номер четыре.

– Идем мы домой, поздно уже, темно. Мимо каркасов проход прямой. И вот оттуда, – пятая старушка вытянула руку по направлению к каркасам, и четвертая старушка синхронно туда же вытянула руку, слегка театрально получилось.

– Просвистело, так сразу и непонятно откуда.

– Я сначала вообще ничего не сообразила! Чуть-чуть даже как снаряд свистит...

Растерянные, тревожные. Войны пережили, коллективизацию, индустриализацию, а тут... Тут, впрочем, тоже пережили.

Покровский спросил, какая из старушек была ближе к каркасам. Выяснилось, что воронежская.

– Почему сразу в милицию не обратились? – строго спросил местный майор.

– Так... еле убежали. И поздно было.

– Мы быстрее домой... – и старушка номер пять вдруг перешла на шепот. – А что, правда, товарищ милиционер, маньяк старых женщин в нашем районе...

Не договорила, что именно делает.

– Ну-ка, ну-ка, – нахмурился майор. – Что вы слышали? Слухи, знаете, нехорошо распускать.

– Говорили, что у «Гражданской» голову разбили женщине, а у «Баку» другую зарезали.

«Баку» – это новый кинотеатр тут неподалеку воздвигнут.

Покровский его не видел еще.

– Преувеличение, – сказал Покровский.

Любопытно, как ловко достоверная информация переплетается с ложной. Или он сам не знает? Нет, если бы еще и у «Баку» кого-то зарезали, Жунев, конечно, Покровскому это сообщил бы.

– Я и не верила слухам, – сказала санитарка-москвичка. – А вчера как вспомнила!

– И я вспомнила, что ты мне рассказала, что у вас тут такое творится...

Обе, значит, вспомнили, но друг другу напоминать не стали. Мысль просится, а человек ее обратно запикивает... или не обратно, куда «обратно»... Отгоняет ее, наоборот, как ненужное насекомое.

Утром на свежую голову начали обсуждать ночное происшествие, тут уж и слухи пришлось в памяти оживить. Думали, идти ли в милицию. Пошли для начала все к той же подруге: вчера пообещали ей конфеты «Воронежские», вторую коробку: одну вчера открыли, так понравились конфеты пострадавшей, что московская подруга решила и свою коробку – ей тоже гостя привезла – больной уступить. И еще пластинку принесли с военными песнями. Подруга еще спала, родственница ее стережет, будить не стали, оставили конфеты и пластинку. На обратном пути, не сговариваясь, пошли к тому месту.

Если снаряд был пущен, куда-то он делся! И увидели, что

в раздвоенном старом тополе застряла, как раз меж стволов въехав, пятисотграммовая гиря от магазинных весов.

Тут и вызвали милицию.

– Нехорошо, гражданки! – нахмурился майор. – Почти более полусуток вы задерживали информацию.

Выражение «почти более полусуток» – интересное, надо запомнить, подумал Покровский.

– Надо было сразу, надо было, но мы вот так... И еще Антонина все время в мыслях, синячищи у нее, вы бы видели.

– Она мне снилась, – сказала вдруг другая пенсионерка, номер пять. И тут же сама себя опровергла. – Нет, не снилась! Это я лежала не спала, сама вспоминала. В Руммельсбург когда вошли... Помнишь?

– Сколько их было, городов-то.

– Где Антонина канарейку выпустила.

– Помню!

Из сбивчивого рассказа выяснилось, что после освобождения этого неизвестного ранее Покровскому Руммельсбурга в апреле 1945 года санитарок расквартировали в доме, который ранее занимал немецкий офицер, до того культурный, что канарейку в клетке держал. И эту канарейку Антонина от полноты чувств выпустила в окно. Тоже как бы освободила. И не сообразила, что погибнет на улице канарейка. И потом, по словам старушки номер пять, много лет вспоминала это, и кляла себя, и жалела эту несчастную канарейку.

А старушка номер пять взяла да заплакала на этом месте,

даже хмурый майор буркнул:

– Вы уж это... Это когда было!

Действительно, было это тридцать лет назад, канарейка не дожила бы.

Какие-то конфликты последнее время, недоброжелатели? Нет, ничего подобного. Соседи прекрасные, с хулиганами конфликтов не было.

Подлетела ухоженная женщина лет сорока, в красном платье, бросилась к старушке номер пять.

– Мама, мамочка! Что же ты не звонишь! Соседи мне позвонили!

– Я, Олечка, не хотела... Ты же на работе...

– Мама, ты вся цела? – Олечка стала быстро вращать маму вокруг оси, как манекен, потом обратилась к ее подруге. – А вы?

И, не дожидаясь ответа, набросилась на милиционеров.

– А вы куда смотрите? Ветеранов войны от маньяка не можете оградить?

Покровский хотел пошутить, что это небесный невидимый милиционер и оградил, дернул злодея вовремя за рукав. Но не стал шутить. Пенсионерок вместе с активной дочерью отправили домой. Пострадавшее дерево сфотографировали и изучили, гирию вытащили.

– Гири такие где вообще берут? – спросил Покровский коллег. – Есть они в свободной продаже?

– «Товары для торговли» есть вроде магазин, – сказал

Кравцов.

– Это же холодное оружие. В авоську положил и пошел молотить, – сказал Покровский. – Смотрите, тут знаки... Это на всех гирях такие?

На свинцовой вставке в гирию и впрямь виднелись знаки. Буква К, буквы ГЕ, римская двойка, арабские семерка и двойка.

– Выясню, – сказал Кравцов.

«Товары для торговли» – звучит с парадоксом. Все товары по идее для торговли.

Но главный парадокс, конечно, не в этом.

– На покушение не похоже, – сказал Покровский. – Швырнул какой-то дурак из-за забора гирию...

Кравцов и эксперты согласились, что случай скорее анекдотический, чем криминальный. Придется, конечно, завести дело о хулиганстве... Главное, не включать эпизод в дело о серийных убийствах, замучаешься потом с отчетностью... Но появилась вдруг группа милиционеров из местного отделения на подмогу, прямо толпа, а унылый майор сообщил, что на подходе еще одна группа... Зачем?!

Приказ вдруг поступил поднять на ноги все силы, вот зачем. И звонок Покровскому от Жунева в телефонизированную служебную машину тоже поступил, через полминуты. Буча пошла на уровне руководства, велено срочно носами разрыть всю землю вокруг метро «Сокол», а охальника поймать. Покровский заикнулся, что история с гирей левая, по-

хоже, но Жунев повторил установку: исследовать место происшествия максимально тщательно. Поскольку идеологический момент, бьют по ветеранам.

Ладно.

Между тропинкой и каркасами относительно крепкий забор из серых неструганых досок, за забором небольшой ров. Вихрастый пацан бродит, любопытствует, Покровский его подозвал. Митяем зовут, все тут знает. Вызвался показать путь на площадку, что виднелась за забором как раз напротив раненого дерева.

Обошли каркасы справа, на финальной стадии надо пробиваться через кусты, через тесный проход. Митяй туда было шмыгнул, Покровский его за шкурку поймал. «Следы уничтожишь!» Осмотрели внимательно проход... Покровский почти сразу снял с ветки маленькую пуговицу, как от рубашки. Судя по чистоте, недавно тут.

Раскрыть преступление по пуговице – это красиво бы... Если тут преступление.

Под забором в одном месте яма не яма, а такое углубление. Если лечь в него, можно проползти, перетянуть себя на ту сторону.

Покровский с Кравцовым сели на корточки, изучили яму не яму. Труха, щепки, листья, спички, картонный кругляшок – изнанка крышечки для лимонада, все утрамбовано, лаз активно используется.

Покровский подстелил платок, лег затылком в лаз, внима-

тельно осмотрел нижние полусгнившие торцы досок... Может, что оставил ночью злодей. Тех же нитяных перчаток следы, он ведь держался руками. Нет, ничего. Жук выглянул, тут же упал Покровскому чуть не в рот, капитан жука сдул со щеки. Прополз за забор, к каркасам. Нагромождение металлических конструкций, бетонные блоки.

– Митяй, – позвал Покровский. – Объясни, как идти.

– Я с вами, я там сто раз... – начал Митяй.

– Нельзя... Хорошо, пролезь и отсюда покажи, и сразу назад.

Митяй шмыгнул в лаз, четко все объяснил. Прямо по овражку, вдоль забора под арматурой, до самого угла. Потом таким же манером еще с десятков метров направо, там залезть на площадку, с которой есть путь («Кусок забора давно там лежит») на следующую площадку, а эта следующая и есть нужная.

Покровский отослал Митяя, позвал Кравцова. Медленно двинулись с промежутком метров в пять. Пахло гнилью, кислотой какой-то затхлостью, но стоило распрямиться, летело в лицо голубое небо и свежий, совсем уже летний воздух.

Внизу ничего, полезли наверх. На секции забора, соединявшей площадки, четко виднелись четкие серые следы тупорылой обуви.

– Галоши! – воскликнул Кравцов.

Вот ведь... До этой секунды Покровский был уверен, что заняты они на каркасах пустой работой. Но галоши!

Серые следы – хозяин обуви где-то вступил во что-то вроде сухого цемента, эксперты точнее скажут. Тропинка, по которой шли старушки с медалями, как на ладони.

– Отсюда и засандалил, – сказал Кравцов. – Далековато для точного попадания.

Покровский тоже об этом подумал. Если нужно было попасть в конкретную из двух старушек и прямо в голову – далековато, метров десять. Если в любую старушку и в любую часть тела – легче. Но и в любую ведь не попал. Но бросил очень сильно, учитывая, как гиря впечаталась в тополь.

Осмотрели площадку, еще раз путь до нее, еще раз кусты, потом пространство вокруг каркасов, и скоро нашли на огромной ржавой жестянке два фрагмента следов тех же, похоже, галош. Уже на самом углу каркасов, засыпанном землей. Тут же огромная вышка ЛЭП, нерабочая, без проводов, с нее, возможно, и спикировала ржавая жестянка. А рядом с ЛЭП фонарь на невысоком нестандартном столбе. Как на плакате: два разновеликих члена одной дружной электрической семьи: дедушка (бабушка ржавая!) и внучок.

Человек в испачканной цементом обуви вышел после покушения сюда.

Дальше на асфальте, впрочем, следов не было, а рядом начинался длинный газон.

– Мог вытереть, – сказал Кравцов и стал всматриваться в траву. На траве не видно ничего. Но на ней пошаркал ногами – пыль и размазалась вся, ушла.

Митяй по-прежнему болтался неподалеку, Покровский попросил его поболтать с окрестными пацанами, может что кто слышал. Тот просиял:

– Так точно, товарищ следователь!

– Старший инспектор.

– Так точно, товарищ старший инспектор! Первая смена закончилась, все, кто из школы, гуляют как раз! Разрешите исполнять?

– Действуй!

Два часа уже на объекте, можно и кофе. Разыскали хмурого майора, вместе пошли в кафе «Сокол» тут же, на краю парка. Футуристическое строение с огромным диском-козырьком, эдакая летающая тарелка на фоне простецкого серого здания протезного завода. Гордая внешность «Сокола», впрочем, оказалась обманчивой, внутри все обыденно: столы с разводами, заветренные бутерброды с сыром в витрине, из горячей пищи сосиски – кипят в баке за спиной буфетчицы.

Контингент пестрый: и чистые граждане пришли на обеденный перерыв, и местные обшарпанные товарищи сидят с пивом, косятся на милиционеров. Покровский в какой-то момент взял да сказал громко: «Граждане и товарищи, если кто-то хочет что-нибудь нам рассказать, не стесняйтесь, подсаживайтесь. Или потом нас у каркасов найдите, мы еще здесь». В кафе на некоторое время стало совсем тихо, но через минуту-другую возобновился осторожный гул.

Кофе, кстати, неплохой. Покровский взял с коньяком. Налили ему щедро, явно больше анонсированных двадцати грамм. Хмурый майор глянул с завистью, даже подпрыгнул, но все же сказал:

– Я не раньше восемнадцати ноль-ноль. Как после Нового года дал зарок, так держу...

Втянул, однако, глубоко ноздрями воздух, словно коньячные флюиды из чашки Покровского подманивал. И ведь подействовало – порозовел, оттаял, заговорил свойским голосом... Сообщил, что прозывается Михаилом Никифоровичем, хотя при первой встрече лишь фамилию невнятно процедил. Удивительно, что даже через воздух может сработать ничтожная молекула алкоголя.

Лопнувший мешок с цементом нашли на улице Острякова, и следы галош видны возле мешка. Получается, злоумышленник пришел по той же улице, что и бабушки.

– Живет, возможно, где-то в той стороне, – предположил майор.

– Если следы заметаешь, можно и круг дать, – сказал Покровский.

– А пойти потом он от вышки ЛЭП мог, в общем, в любую сторону, – сказал Кравцов.

– Я бы на его месте ушел все же к Песчаным, – сказал майор. – И сразу прочь от каркасов, и народу там поменьше, чем на Ленинградке.

Уже опросили и охрану аэродрома, который располагался

совсем близко, и сторожа маленькой овощебазы, и жителей маленького частного сектора, зажатого между базой и аэродромом (сохранилось несколько барачков, выстроенных некогда для сотрудников одного из авиационных КБ), и коллег из милицейской конюшни на Викторенко, и постовой патруль, дежуривший как раз до полуночи, и вредного консьержа дома физиков-ядерщиков, который, пока не рыкнули, заявлял, что на вопросы МВД ему отвечать запрещено, так как дом подчиняется КГБ.

Рассказывал майор скупно, но четко, было понятно, что и район человек знает, и работу любит, первое неприятное впечатление о коллеге оказалось ложным, это хорошо, но...

– Но кого искали? – недоуменно спросил Покровский. – Примет-то нет.

– Приказ был исполнять срочно! Спрашивали, кто что слышал.

Буфетчица, до этого не покидавшая своей боевой точки, вдруг шагнула из-за стойки к их столику, поставила перед Михаилом Никифоровичем чашку – Покровский и не сразу понял, что с коньяком, – а Михаил Никифорович все не менее ста грамм в себя стремительно перелил.

Ловко.

– И что? И ничего! – сказал Михаил Никифорович с некоторым избыточным неожиданно проснувшимся артистизмом. – Одинокого мужчины сомнительного вида и подозрительного поведения никто не зафиксировал.

– Дождались бы нас с каркасов. Теперь хоть про галоши можно спрашивать.

– Пройдем по второму кругу... Человекодной жалко, что ли, – и вдруг заливисто, рассыписто, по-детски даже как-то расхохотался майор.

Тут же сосредоточился, рассказал, что и как вообще в районе по криминалу, вытащил машинопись со списком последних убийств... Сплошная бытовуха и без каких-то выкрутасов типа летающих гирь.

– Не очень удобный способ, между прочим, старух убивать, – заметил Кравцов. – А если бы шлепнулся в темноте, когда назад лез? А если бы наряд проезжал мимо? Как в ловушке за этим забором.

– Согласен, – сказал Покровский. – Но, похоже, он хорошо ориентируется.

– В кариках многие тут хорошо ориентируются. Сколько лет стоят... Странно, что до сих пор смертоубийств там не было, – сказал майор.

«Карики» – Покровский не сразу понял, но через полсекунды сообразил, что это каркасы.

– А несчастные случаи? – спросил Покровский.

– Эти случаются. Там с дальнего края-то безопасно, зимой там даже горка, на санках детишки... А в середине можно ногу свернуть. Года два назад один сломал ногу, но он из этих был... которые... ну как спортсмены, но не спортсмены. На спор. Специально в опасных местах трюки выделывают.

– А есть такие любители? – заинтересовался Кравцов.

– Ну, от скуки-то каких нет только любителей. А тут у нас все-таки «Сокол», не Монтана какая... Пацана спросите, который с вами лазал, может с ними якшаться, – майор подсказал короткий путь к любителям.

– Сосиски с горошком кончились! – раздался голос из-за буфетной стойки.

Довольно тихо, но отчетливо прозвучали позывные «Маяка». Договорились, что делать дальше. Местные продолжают работать по местности, обходить объекты, дома, потом до вечера ждать тех, кого не застали. Это Михаил Никифорович организует. Едет еще подмога с Петровки – займется транспортом.

– Предположим, что человек пришел от метро «Аэропорт», – сказал Покровский. – По Острякова, где цемент. А уходил, похоже, через Песчаные, мог сделать круг, выйти к «Соколу», а там в метро, чтобы меньше маячить. А на «Аэропорте» уже выйти, если он вдруг там живет. Или дальше поехать.

– Или на троллейбус или на трамвай по Ленинградке, – сказал Кравцов.

Покровский кивнул. На данном этапе только кивать, что еще делать.

Митяя встретили в парке, ничего пока не вызнал. Покровский спросил у него про ребят, которые на спор рискованные трюки на каркасах выделывают. Митяй сказал, что знает, ко-

нечно. Из их двора в ней Сеня Семенов, но его сейчас нет. Родители затеяли на праздники ремонт в квартире, а не закончили, так что Сеня пока ночует у бабушки в Медведкове, сюда только в школу приезжает. В той рискованной компании из генеральского дома два видных парня... одного особо важного Шефом зовут. Можно пойти в генеральский двор поискать. Можно! «Кравцов, дуйте с Митяем в генеральский. Потом жду на Петровке». Сообразил вдруг, что это Митяй весь день не в школе, спросил.

– У меня прогул сегодня, – ответил Митяй очень важно, будто так и надо.

Ладно.

Дородная буфетчица из «Сокола» как раз курила у заднего выхода из кафе, Покровскому заулыбалась. Шагнула навстречу, едва не коснувшись массивным бюстом, теплом большого тела, запахом недорогих духов.

– Уже покидаете нас, товарищ милиционер?

– Навсегда не прощаюсь...

– Будем ждать! Коньяк у нас качественный, граждан не обманываем.

Сигарету опустила, дым струйкой вверх. Вчера вечером тоже была ее смена, и наблюдательный пункт у Веры отличный. Информация разошлась мгновенно и довольно точно, картина происшествия в головах завсегдатаев «Сокола» недалеко от реальности, но никаких реплик о ночных странностях... ничего такого Вера не слышала. Попросила мили-

цию рыскать шибче (так и сказала!), потому что и сама тут живет, и у нее мамахен восьмидесяти лет, любит гулять, а потому все новые сведения об убийствах и покушениях, конечно, слышать не очень приятно.

Покровский кивнул.

В Чапаевском переулке припаркован знакомый невзрачный серый «Москвич» старой модели, но – Покровский знал – с новой начинкой, с хорошим двигателем. Оттуда выкарабкивается огромный бритоголовый Гога Пирамидин, обещанная помощь с Петровки. Покровский описал Гоге ситуацию, объяснил, что вводных для поиска пока немного, Гога от души выматерился. Но делать нечего, пойдет в метро выяснять, не было ли после одиннадцати больших компаний (во всякой большой компании есть какой-нибудь малообщительный, но глазастый человек), не было ли людей, которые чем-то обратили на себя внимание... например, человек нервничал и оглядывался... одинокий мужчина, скромно одетый... не было ли вдруг человека в галошах.

– Только он, если не совсем debil, снял бы перед метро галоши.

– Согласен, – кивнул Покровский.

Криво началось расследование, но что уж теперь делать.

Вернулся в управление на служебной машине, сразу пошел к экспертам, свернул в пустой коридор, а там окно в конце, и вдруг в коридоре появилась резная тень, великолепный девичий силуэт, тонкий стан, колокол юбки и стройные но-

ги, и длинные волосы взметнулись волной, если волна взмывается, конечно.

Если бы дело происходило в кино, прекрасный силуэт мог бы начать стрелять, держа пистолет в двух вытянутых руках. Или, напротив, броситься Покровскому на шею с поцелуями как жаркими, так и страстными.

В реальности же Лена Гвоздилина строго сказала:

– Товарищ капитан! Вы майский заказ забрать забыли.

– Меня не было, – виновато начал Покровский и спохватился. – Нет, я забирал майский!

– Это вы праздничный забирали, – Лена пошла вперед, Покровский послушно двинулся следом, слегка отставая, чтобы продлить визуальное впечатление. – А обычный майский не получали.

Коридор повернул, освещение изменилось, силуэт превратился в обычную Лену Гвоздилину, очень симпатичную, даже, быть может, красивую, но волшебство кончилось.

Лена выставила на перегородку картонную коробку. Перечислила скороговоркой банку венгерского компота, чешский паштет с жизнерадостным гусем на баночке, сырокопченую колбасу, фисташки, консервы печень трески, банку сгущенного какао, лечо «Глобус», пасту «Океан». У пасты «Океан» – ее делали из ранее неизвестного моллюска «криль» – был странный статус: она попадала в заказы как новый полезный, будто бы особо качественный и потому потенциально дефицитный продукт и одновременно наводняла магази-

ны как изделие еще экзотическое и непривычное.

Покровский не все расслышал, потому что Лена, во-первых, говорила очень быстро, а во-вторых, почти сразу увидела в зеркале, что у нее помада слегка поехала, и говорила дальше, уже повернувшись к Покровскому затылком.

Занес к себе коробку, сунулся к Жуневу, но нет, он в комнате для допросов, неизвестно, когда освободится. В коридоре встретился незнакомый курчавый юноша в кедах, робко глянул на Покровского.

Эксперт Кривокапа раскуривал трубку и листал пухлую тетрадь.

– Сделали ваше, – оставил трубку и стал искать на столе нужную папку. – Как там Сибирь?

– Урал.

– Как там Урал?

– Прирастает.

– Куда? – не понял Кривокапа и, не дожидаясь ответа, объявил, глядя в папку: – По фрагменту асфальта из Петровского парка – да, это орудие убийства, кровь и мозг принадлежат жертве.

Покровский кивнул.

– А нитки от перчаток?

– Тоже да. Есть на данном орудии убийства следы данных ниток.

– От тех же перчаток, что на рельсе в Чуксине?

– Такие же нитки.

Отлично.

– Тебе сейчас Чоботов еще пуговицу принесет и цемент, и гирию еще, это сегодняшнее...

– С сегодняшнее, извини, в лучшем случае завтра, – Кривокапа вернулся к трубке.

– Да-да. Посмотри только след. – Покровский достал из своей папки лист с отпечатком обуви с каркасов. – Похоже, тот же, что у «Гражданской»?

Кривокапа вздохнул, взял новый отпечаток, нашел в папке старые, посмотрел, линейку приложил. Пожал плечами:

– На первый взгляд модель та же самая, и размер сорок четвертый. Но эти галоши, как и предыдущие, новые. Индивидуальных признаков нажить не успели.

Покровский кивнул.

– Ты чего киваешь, все сам знаешь? – разозлился Кривокапа. Он иной раз заводился с полоборота.

– Не знаю, но выводы одобряю.

– Он одобряет! Ты Иисус Христос, чтобы одобрять? Это тебе результаты научного, твою мать, анализа...

– У тебя тут все орудия убийств? – остановил Покровский Кривокапу.

Покровский только гирию видел, и то она до орудия убийства не доросла, только до орудия покушения.

Кривокапа молча указал на стол у дальней стены. Неизвестно, для каких целей были выложены на длинном столе все три объекта. Здоровенный, вдвое от современного, бор-

довый кирпич с фабричным клеймом «КононовЪ». Чудо-вищного вида кусок рельса, ржавый и с огромным темным пятном. И слоистый кусок асфальта, как раздавленный черный торт, тоже с пятном, очень странный предмет, если отвлечься.

Стол стоял у стены с фотообоями: сосны и за ними озеро. Покровскому на мгновение показалось, что это он вышел к озеру после долгого тягучего марша через смолистый воздух бора, а тут на берегу стол с кирпичом, рельсом, асфальтом, все расположено очень аккуратно, через равные промежутки. И никого. Ветер только, рябь по воде.

Гиря, кстати, отлично сюда встанет.

Жунев был еще занят, Покровский зашел в столовую, где все закончилось, кроме гречки и капустного салата, съел по две порции того и другого и полстакана сметаны, пошел читать дело.

Эти бабушки неживые – кто они? Только по Ширшиковой сложилось какое-то впечатление, а две другие – пока строчки в протоколе.

Личности жертв и для маньяка могут иметь значение. Вот душитель из Подольска относительно недавний – наказывал девушек, которых считал безнравственными. Но убитые бабушки если и были недостаточно нравственными, то очень давно.

Яркова – проживала вдвоем с незамужней дочерью 1943 года рождения. Родила, значит, дочь в войну, в Москве...

Так, а вот Панасенко... Бригадир надомников. Инвалиды и одинокие старики – некоторым, несмотря на семимильный ход всей страны в светлое будущее, едва хватает на хлеб. Сидят по домам, кто пластмассовые висюльки для люстр точит, кто на шнурки наконечники насаживает, а Панасенко заказы им обеспечивает. Бизнес, смежный с цеховым. На первый взгляд божии одуванчики ушки к пуговицам приклеивают, а на деле это большие возможности: наличные деньги, своя бухгалтерия... Покровский углубился в бумаги.

– Товарищ Покровский, – заглянула Лена Гвоздилина, – зайдите к Жуневу.

Заглянула – и снова силуэтом в проеме. За прошедший час Лена надела черные чулки. Покровский сказал, что понял, посидел с закрытыми глазами. Взяла с собой на работу чулки, чтобы надеть перед вечерним выходом в город, когда похолодает. Или подарил кто-то из сослуживцев... что было бы, конечно, не очень прилично.

У Жунева уже сидели Кравцов и курчавый юноша из коридора. Юноша вскочил, стал суетливо приветствовать.

– Это Фридман, – сказал Жунев, – практикант из школы милиции. Бойкий парень, выполняет ответственные задания. Отлично отсидел час на скамейке в Перовском парке, засекал, сколько людей мимо прошло.

Фридман покраснел.

– В выходные в соответствии с предложением старшего лейтенанта Кравцова, – Жунев с усмешкой глянул на Крав-

цова, – стажеру Фридману было поручено наблюдение за подозреваемым Панасенко...

– Непростое поручение, – сказал Покровский. – И что, получилось?

– Держи карман, – ответил за Фридмана Жунев. – Панасенко садится в «Волгу» и уезжает, а Миша ждет его у дома. Ждет, ничего не скажешь, героически... Ночью в футболочке караулил, простыл аж. Видишь, шмыгает.

Из информации, собранной Мишей, интерес, да и то не самый оперативный, представляла следующая: Панасенко, выезжая вчера из своего двора, притормозил у стенда с газетами, вышел и начертал что-то шариковой ручкой. Миша, разумеется, кинулся к стенду и прочел слово из трех букв.

– На «Правде»? – строго спросил Покровский.

– Нет, на «Вечерней Москве».

– «Вечерняя Москва» ладно, – согласился Покровский.

– Это он тебе написал, – сказал Жунев. – Ты понял?

Миша нехотя сказал «да».

– Этот... – Жунев употребил то же самое слово из трех букв, – из парткома... приходил. Тридцатилетие Победы, а у нас ветеранов глушат...

– Ты его послал? – Покровский хорошо знал Жунева.

– Немножко...

Ясно. А парткомовский, значит, обиделся и устроил кипиш. Преуспел: по поводу эпизода на «Соколе» позвонили аж из Мосгорисполкома, требовали оперативных результа-

тов.

Кравцов рассказал, что видного парня по кличке Шеф, живущего в генеральском доме, быстро удалось вычислить расспросами во дворе. Дома оказались родители, отец, действующий генерал, и жена его, очень напористая, полковник в отставке. Все по фамилии Шевченко. Очень были недовольны, что милиция заявила. Кравцову больше пришлось объясняться, по какому праву он заслуженных людей отвлекает. В итоге пообещали, что Эдик позвонит, когда появится. Но он дома не каждый день появляется.

– А зачем нам вообще эти... скалолазы? – спросил Жунев.

– Злодей наверняка изучал место заранее, – сказал Покровский. – Могли его видеть люди, которые часто туда лазают... Надо во все стороны рыть...

Пока в голове каша. Не окажись на каркасах следов галош, все проще – левый эпизод, ненужная ерунда. Но они там оказались.

– Ты уже полдня в деле, – с напускным недовольством сказал Жунев. – И что, до сих пор нет глобальных идей?

– Есть! Смотрите, что получается, – сказал Покровский и написал в столбик:

1910

1908

1904

1898

1898

– Это года рождения гражданок по порядку, от Ярковой до двух выживших. Четко в сторону увеличения возраста жертв. Первая покушаемая самая молодая, четвертая и пятая, ровесницы, самые старые...

– И хрен ли? – спросил Жунев.

– Можем гарантированно через неделю задержать преступника. Иных маньяков десятилетиями ловят...

– А как через неделю?

– Элементарно. Вы что, действительно не видите закономерности в цифрах? – посмотрел Покровский. – Кроме увеличения возраста?

– Все четные... – пролепетал Миша.

– Правильно! Но не просто четные. Между первой и второй старушками разрыв в два года рождения, между второй и третьей четыре года, между третьей и четвертым эпизодом... сколько?

– Шесть, – сказал Кравцов. – Каждый раз прибавляется два года.

– О чем и речь. Значит, в пятом эпизоде будут старушки старше предыдущих на восемь лет... Их, кстати, может быть и три сразу, но тут мы пока не можем выстроить ряда, мало данных. Главное, что тысяча восемьсот девяностого года. В шестом эпизоде – отнимаем от тысяча восемьсот девяностого восемь плюс два, десять лет – тысяча восемьсот восьмидесятого. В седьмом эпизоде минус сколько лет от шестого,

Миша?

– Минус двенадцать, – осторожно сказал Фридман. – Одна тысяча восемьсот шестьдесят восьмой год рождения...

– Старше Ленина, – сказал Кравцов.

Жунев закурил, положил зажигалку на стол, крутанул ее, смотрел, как крутится.

– Бабушек старше Ленина в Москве, думаю, наперечет, – продолжил Покровский. – Между первым и вторым случаем прошло восемь дней, между вторым и третьим два дня, между третьим и четвертым три дня. Если он сохранит ритм в два-три дня, около недели, значит, остается до покушения на стосемилетнюю гражданку! Ко всем стосемилетним москвичкам мы приставим усиленную охрану и сможем задержать злоумышленника.

– Какие хорошие были две недели, спокойные, без этого вот твоего головожопства, – сказал Жунев.

– Размяться уже нельзя в начале сложного расследования...

– Длинно, Покровский... Все согласны, что все четыре эпизода связаны?

Кравцов и Миша Фридман закивали. Покровский, подумав немного, тоже кивнул.

– Связаны, но хрен пока знает как, – Жунев сделал в деле какую-то пометку. – При этом есть ощущение, что выбор жертв случаен. Так?

– Конечно, гораздо проще выскочить с рельсом, когда ви-

дишь абстрактную пенсионерку, чем четыре раза конкретных подкараулить, – согласился Покровский.

– Маньяк, получается, самая очевидная версия. Кто-нибудь ловил маньяков? – спросил Жунев.

Никто не ловил.

– Маньяк в рифму коньяк, – сказал Жунев, достал из тумбы письменного стола бутылку. – Я тоже не ловил. Давай, Кравцов, резюмируй по каждому эпизоду, какие есть факты.

– По кирпичу на Скаковой никаких. Ни следов, ни свидетелей. Завтра пойдем с товарищем капитаном, еще раз залезем на этот балкон. Но шансов мало. По горячим следам не работали...

– Мог, сволочь, в толпе стоять... Кинул и выскочил к людям, – сказал Жунев.

Показал Фридману знаками взять лимон с тарелки на тумбочке, а рядом там и нож, а что не только взять, но и нарезать надо, Фридман и сам догадался.

– По рельсу у «Гражданской» есть следы галош и ниточки от перчаток. Галоши и перчатки новые, зацепиться не за что. Сорок четвертый размер галош – это не то что примета...

– Но ее подобие, – Жунев разлил, поднял рюмку, все чокнулись. – Дай бог, чтобы не последняя.

– У «Гражданской» нитки и галоши, в Петровском похожие нитки, на каркасах похожие галоши, – резюмировал Покровский. – Три последних эпизода таким образом связаны вещественными уликами. Первый – нет.

– Это все у нас вещественные? – спросил Жунев. – Негусто.

– Еще есть пуговица сегодня. Но она может и не иметь отношения, – сказал Кравцов.

– Первый эпизод заметно отстоит по времени, – заметил Покровский.

– Есть такое, – согласился Жунев.

– Но не может же он быть простым совпадением! – воскликнул Кравцов.

– Не должен, но может, – сказал Жунев, разливая по второму кругу.

Рюмочки у него были грузинские, металлические, с чеканкой, с непонятными буквами.

– Пороемся там завтра, на Скаковой, – сказал Покровский. – Еще есть заметное отличие между первыми тремя событиями и четвертым.

– На «Соколе» живы старушки! – догадался Миша Фридман.

– Живы полбеды, – сказал Покровский. – Тут другое: хотели ли их вообще убивать? Попробуй попади ночью. В то время как три первые бабушки ликвидированы наповал.

– Все три без шансов, – согласился Жунев. – А в этих промазал и добивать не прибежал.

– Там и не добежишь добивать, – сказал Покровский. – Прилично вокруг шуровать. Впечатление, что он больше продумывал, как отходить потом безопасно, чем как убить.

Некоторое время, недолгое, все молчали.

– Может быть, пациент всякий раз пробует разные способы? – спросил Жунев. – Попробовал издалека. Не вышло. Но что он теряет? Лето впереди, старушек вокруг пруд пруди... Время мирное, слава КПСС.

– Лето впереди... – согласился Покровский.

– План вместе составляем? – деловито спросил Жунев. Видно было, что ему не хочется.

– Мы потыкаемся день-другой туда-сюда, – сказал Покровский, имея в виду, что и ему пока лучше без утвержденного плана расследования. Подошел к окну, глянул на луну. Хорошая луна, толстая, в чистом небе. – Сейчас я обратно на «Сокол». Кравцов, со мной?

– Конечно! Осмотреть место в темноте? – догадался Кравцов.

– А я могу с вами? – робко спросил Миша Фридман.

Кравцов, как взрослый, важно сказал Мише, что у того сопли, что надо беречь себя для полноценной работы, но Покровский взял и Фридмана.

В темноте все выглядит иначе... еще и не сразу нашли лаз... Луна лупила, облаков почти нет, но, перед тем как лезть в кусты, Покровский все же включил фонарик: проверить, работает ли.

– Смотрите... кровь! – крикнул Фридман.

Будто без него не видно. Луч выхватил чуть сбоку, в пяти метрах от забора, распростертую на траве мужскую фигуру,

кровь на траве и на голове.

27 мая, вторник

На «Гражданской» с электрички вместе с Покровским сошло человек десять. Пацан с дюралевым веслом, монтер с мотком провода, три коренастые подружки учащегося вида, мелкий ханурик, пытавшийся с ними заигрывать, но одна в шутку спряталась за другую, и ханурик сразу перепутал, какую он назвал голубкой, а какую ласточкой, и стушевался.

Пятеро пошли через пути направо, там за железкой какой-то мелкий завод, за ним на улице 8 Марта большая психиатрическая больница с красивым историческим забором. Спрыгнули с платформы у плаката, на котором две школьницы, размахивая портфелями, увлеклись беседой на шпалах, не замечают приближающегося поезда, – перескочили через пути – и лезут в дыру в заборе у другого плаката, на котором очкастый мужчина, тоже с портфелем, падает, споткнувшись о рельсу, а поезд уже совсем рядом.

Покровский поднял глаза: по мосту над путями со стороны улицы 8 Марта шел один человек, дисциплинированный Кравцов.

В Чуксин тупик с платформы налево и вниз, рельсы не надо переходить.

– Вот тут, – показал Кравцов. – Тут он, значит, стоял...

В тени у пролома в лесопарк. Здесь и сейчас влажно. Могучий ясень рядом, солнце не попадает. Преступник, если

готовился заранее, видел, что мокро, что останутся следы... потому и обул галоши.

– А женщина... – Кравцов полез в блокнот, зашуршал. – Ширшикова Нина Ивановна. Ну, ее тело... Лежало вот тут.

И рельс дождался своего превращения в орудие убийства тут же, меж ясенем и забором виден след, ясень разодран, а забор расцарапан, и экспертиза, написано в деле, обнаружила на стволе ясеня ту же ржавчину, что и на железяке. Видимо, злодей присмотрел рельс заранее. Или принес заранее.

– Вход на склад рядом, – показал Кравцов на противоположную сторону узкой дороги. – Но видишь, будка сторожа к нам задом. Не видно оттуда.

– Спрашивали сторожа, может потом мимо кто-то проходил?

– Никого он не видел. Он и не смотрит в окно каждую секунду.

– То есть уйти преступник мог в любую сторону.

– Лесопарк, гаражи, завод, – сказал Кравцов. – Если вдруг шаги навстречу, взял да присел в тень.

– Да, – сказал Покровский.

– Человек... пятьдесят пять человек опросили вокруг, – снова сверился Кравцов с записями. – И ночью сразу, и следующий день я работал с местными оперативниками.

– И никто ничего не видел, не слышал?

– Несколько человек показало, что психи в ту ночь выли. Но это бывает иногда.

– М-м-м?

– Психи ночами иногда воют в психиатрической больнице, – пояснил Кравцов. – Ну, они же психи... А тут громко были.

Ночь, одинокая женщина с колбасой спешит домой с поздней электрички, человеческий вой над районом, человек со ржавым рельсом...

– В коммуналке Кроевской... ну, той, что в Петровском парке убили. Сосед у нее тоже псих. В трусах ходит и руками трясет, – сказал Кравцов. – Инвалид первой группы, сестра за ним ухаживает. Смешной, тебе понравится. Один он, если что, из дома не выходит...

Раздался топот: прибежал со стороны Соломенной сторожки Миша Фридман.

– Д-добрый... д-доброе утро, – заикается от волнения. – Я... Извините.

– На двадцать минут ты опоздал, – строго сказал Кравцов.

Миша начал бормотать что-то про двоюродного брата, который поехал в отпуск, но лишь первые несколько секунд бормотал, быстро преодолел волнение, голос окреп, и выяснилось, что брат позволил Мише пользоваться эти недели своим стареньким «Москвичом».

– Отлично, – сказал Покровский. – Где же он?

Заглох у Белорусского вокзала, поэтому Миша и опоздал. Крышка трамблера гикнулась.

– Я другу позвонил, у него есть лишняя крышка трамбле-

ра. Он через час приедет туда, привезет, и мы будем с машиной.

Вчера Миша был в довольно нелепой рубашке с длинным рукавом, а сегодня в модной футболочке, сопли, похоже, прошли, а руки у невысокого Миши оказались очень даже мускулистые.

Через дыру в заборе пролезли в лесопарк, вглубь вела широкая тропинка, словно было предусмотрено, что тут будет пролом. Прошлись немного меж рядов пронумерованных белой краской деревьев... Белка пронеслась вверх по стволу сосны.

– Мог и туда уйти, – сказал Кравцов. – Там и выходов полно, и дыр таких же. Там, кстати, пруд с прыгательной вышкой, мы были в прошлом году.

Покровский кивнул. Он слышал, что на том пруду сто с лишним лет назад пламенные революционеры казнили предателя с запоминающимся фио Иван Иванович Иванов, но вслух не сказал, не был уверен в подробностях.

Прошлись до дома Нины Ивановны. Три минуты неспешным шагом до конца Чуксина, перейти Старое шоссе, и там еще одна минута.

Чуть дальше, на углу Тимирязевской, стоянка такси, небольшая очередь.

– На такси мог уехать! – воскликнул Фридман.

Кравцов приосанился и авторитетным голосом объяснил Фридману, что ночью тут вряд ли дежурило много машин. У

метро да, стоят, парят выгодных пассажиров... А тут место глухое... А искать таксистов – большая мутота. Двенадцать таксопарков, пять тысяч машин одновременно на линии. И не пошел бы злодей к такси. Очень важно все изложил Кравцов, логично.

Двинулись обратно. Труба небольшой котельной... Ночью там кто-то должен дежурить. Кравцов ответил с небольшой обидой, что опросили, разумеется, оператора котельной. А сторожа больницы... это же больница справа? Само собой, опросили!

Перешли железку по переходу. Да, высоко, путь раз в пять длиннее выходит, чем через рельсы. Внизу два длинных состава с древесиной прогромыхали на встречных курсах. Стопанули постовую машину, попросили довести до Скаковой. Миша поспешил к Белорусскому вокзалу чинить «Москвич», потом Покровский велел ему ехать в «Торгоборудование», нашелся такой магазин на Профсоюзной улице.

На Скаковой Кравцов показал Покровскому дом неизвестного года постройки. Аварийный фасад забран плакатом ко Дню Победы: солдат в полный рост размахивает гранатой. Рядом кондитерская фабрика: воздух сладкий, шоколадный. Тут уж Покровский просветил Кравцова, что сначала фабрика носила имя заграничного кровососа-капиталиста, который ее основал, а потом стала зваться «Большевик», чтобы у детей прочнее закреплялась ассоциация между коммунизмом и сладостями.

Местных милиционеров, чтобы опечатанную дверь вскрыли, можно и не ждать: от одного из окон доски уже снова отодраны с мясом. Но дождались, конечно, коллег, двух вислоухих старшин. Прошлись по этажам – ничего интересного. Запустение, пыль, миазмы... в том числе свежие.

Покровский поднялся наверх, вышел на балкон. Ударная позиция замечательная. Если жертва проходит прямо вниз, попасть в нее кирпичом просто. Но непросто потом уйти.

И очень хорошо видно, откуда кирпич отвалился. Там и соседние кирпичи на соплях, вот-вот полетят.

Улица проходная, вокруг, кроме фабрики, и жилье, и мастерские, и ипподром, и вокзал недалеко, людей много. Чуть поодаль промтоварный магазин, в который Юлия Сигизмундовна Яркова приехала на трамвае за сумкой на колесиках производства донецкого велозавода стоимостью 10 рублей 20 копеек. Данная сумка и стала ее последним приобретением.

– Если бы с целью грабежа, – сказал Покровский, – какой удар, представляешь. Ты старушку грохнул, а сумка пустая.

– Обидно, – согласился Кравцов.

– Нужен следственный эксперимент, – сказал Покровский.

– Какой? – спросил Кравцов.

Покровский объяснил, Кравцов поддержал.

– Горячо поддерживаешь?

– Горячо.

– Едем тогда на Петровку, будешь писать обоснование. Лучше завтра и провести. Именно то же время нам нужно, тринадцать пятьдесят.

В коридоре у кабинета Жунева сидел Панасенко, нога на ногу.

– Здравствуйте, – сказал Покровский.

Панасенко глянул на него без любопытства, не ответил. Чуть презрительно поджал губы. Почти незаметно.

Покровский вошел к Жуневу, тот обсуждал что-то с судмедэкспертом Мурашовой.

– Покровский, привет! – обрадовалась Марина. – Что на Урале? Твои здоровы все?

Марина всегда в хорошем настроении, свежая, кажется даже, что всегда загорелая, в бежевом брючном костюме. Покровский Марине тоже обрадовался.

– Да-да, все здоровы... – Марины Покровский слегка смущался, хотя не имел никаких на то оснований.

Скомкал радость, сделал вид, что хочет поскорее перейти к делу. Маринины бумаги уже лежали перед Жуневым. Важный вывод касался силы удара.

– Удары нанесены с оптимальным усилием, я бы сказала. Так, чтобы результат наверняка, но и в крошку голову не разбивать.

– Чтобы крови меньше, – сказал Жунев.

– Да, крови было значительно меньше, чем в сравнимых ситуациях, – сказала Марина. – Маньяк у вас – спокойный

и координированный.

– И это заодно значит, что один человек наносил удары в Чуксине и в Петровском? – уточнил Покровский.

На сто процентов не значит, но похоже на то. Ладно.

– А Покровский-то вчера выступил в своем репертуаре... – хмыкнул Жунев. – Слыхала?

– Нет.

– Приехал в темное время суток на место покушения, а оно занято.

– Ну, не занято... – возразил Покровский.

– И что же там случилось?

– Пьяный просто упал, голову как раз разбил... Мы, разумеется, сначала подумали, что он тут по нашему делу.

– А он просто полежать вышел, ясно... Ты помог пьяному?

– Выяснили в кафе, кто такой, Фридман домой его отвел.

– Молодцы! Заходи, в общем, я сегодня до вечера!

– Да-да...

А что заходить. Так много дел.

– Там Панасенко ждет в коридоре, – сказал Покровский, когда дверь за Мариной закрылась.

– Подождет полчаса. Больно гусь важный.

– Так я, знаешь, тоже тороплюсь, я еще в Петровском парке вообще не был. Полтора дня уже делом занимаюсь.

– Пятнадцать-то минут пусть посидит! Кофе давай выпьем...

Есть от Кривокапы новые экспертизы. Гиря чистая, злодей, возможно, те же нитяные перчатки надел. Еще один удар по версии тупого хулиганства. А что с пуговицей?

– Дешевая пуговица волгоградского производства. Производит там одна фабрика, сто процентов этого типа пуговицы отправляет на комбинат, где ее пришивают к рубашкам. Там же, в Волгограде.

– Одного фасона рубашки?

– Вроде разного. У меня есть там человек в городском управлении, я попросил его выяснить на месте, что да как.

Жунев налил кипяток в чашки, Покровский рассказал, какой нужен завтра следственный эксперимент на Скаковой.

– Вопрос, успеем ли завтра, – задумался Жунев. – Смотри, пока бумагу составите...

– Кравцов уже пишет!

– Пока я Подлубнова поймаю... У меня три допроса и выезд еще, знаешь, между прочим, тоже на следственный эксперимент... Да, с завтрашнего дня по «Динамо», «Аэропорту», «Соколу» вводятся усиленные патрули.

Расчет, что маньяк увидит много милиции и сделает паузу. Или вообще крест поставит на своем черном, оно же кровавое, деле. Тогда, правда, его будет сложнее поймать.

Открылась дверь, вошел Панасенко. Надоело ему ждать. Не спрашивая разрешения, сел на стул перед Жуневым. Принюхался:

– Мочу какую-то пьете.

Жунев пошевелил губами. Но ничего не ответил.

– Я тебя не узнал в коридоре сразу, – сказал Панасенко Покровскому. – Ты тогда совсем сопливый был.

– Вы тоже не помолодели... – улыбнулся Покровский.

– Сосунка зачем ко мне приставили? Дурачка кучерявого, – перебил его Панасенко. – Башкой поехали?

Будто у них тут на всех одна башка.

– Был сигнал, что вы по стендам на газете «Правда» из трех букв пишете... – сказал Покровский.

– Это я сосунку написал вашему, не надо сказок...

Жунев протянул Панасенке бумагу: разрешение на похороны Нины Ивановны. Тот быстро глянул, слегка сменил тон.

– Хорошо... И ты это, сними мне подписку. Вся Москва уже знает, что орудует маньяк. Вряд ли ты меня подозреваешь.

Жунев хотел на это что-то вернуть, но Панасенко не дал:

– Не подозреваешь. И это еще... Я ищу по своим каналам, не было ли там ночью где рядом с Соломенной сторожкой непонятных прохожих. Пока нет результата. Но я продолжу. Мне нужны сведения от вас.

– Сведения ему нужны, надо же, слышь, Покровский, – удивился Жунев. С прихлопом отхлебнул кофе. – И какие же?

– Все места преступлений с указанием времени. Знаю, что убили старух в Петровском парке и у «Баку». И в Чапаев-

ском покушались. Может, еще были случаи. И главное, нужны приметы. Столько эпизодов – у вас уже должны быть зацепки.

Жунев и Покровский переглянулись.

– Вы свои каналы упомянули, – сказал Покровский. – А что за каналы, можно полюбопытствовать?

– Разные есть люди, которые ночами не спят, – туманно ответил Панасенко.

– Бандюганы, дружки твои, ходят высматривают, с кого котлы снять, вот и все, сука, каналы, – сказал Жунев.

– Вы, что ли, уже нашли маньяка? – раздраженно перебил Панасенко. – Предъявляйте, если нашли. Молчите? Так, может, я найду.

– А найдешь, что сделаешь? – спросил Жунев.

– Голову отвинтить обещали, – вспомнил Покровский.

– Сгоряча, что вы. Отдам в руки советскому правосудию, – усмехнулся Панасенко.

– Но вдруг маньяк окажется родственником члена Политбюро? – спросил Покровский. – Нам прикажут его отпустить.

– Я уже буду знать, где он живет, – напомнил Панасенко.

Жунев закурил. Панасенко достал американские сигареты, тоже закурил, пачку положил перед собой на стол Жунева.

– Мужики, понятно, вы на меня в обиде, – сказал мягко, насколько умел, Панасенко. – Но у меня тетю Нину грохну-

ли, не у вас.

Некоторое время Жунев еще пошипел на Панасенко. В глубине души он вовсе не был против, чтобы матерый цеховик «потеребил», как он выразился, свои каналы. Но отчитываться перед гостем, что сами они до сих пор никаких следов не нашли, не хотел. Покровский это понял.

– Если даешь добро, – сказал Жуневу, – мы с Григорием Ивановичем можем сами продолжить...

Увел цеховика к себе, рассказал ему о местах покушения, о перчатках и о галошах.

– А у кинотеатра «Баку»? – спросил Панасенко. – Ты про «Баку» не рассказал.

– Там кино снимали, – сказал Покровский. – Про любовь и ревность. Девушка пошла с другим в кино, а ее парень ждал с ножом после сеанса, хотел зарезать... Бабушка заслонила внучку, получила нож в грудь... Но это съемки, а слух пошел, будто на самом деле.

– А как там ее бабушка оказалась?

– Билетершей работала, как еще, – сказал Покровский. – Или в гардеробе, не знаю...

Панасенко отреагировал длинным взглядом, развивать тему не стал.

– А из примет, значит, одни галоши и нитки? Хорошо поработали.

Тут уж Покровский развивать тему не стал.

Только Панасенко удалился, а Покровский собрался на-

конец в Петровский парк, позвонил Митяй из парка Чапаевского. Сеня Семенов, что состоял в компании любителей опасных трюков на кариках, вернулся. . . Не просто вернулся! Он шел, когда Митяй его только что встретил, на сбор этой самой компании. Не упражняться, поболтать собрались.

То есть они прямо сейчас там, на каркасах что-то обсуждают.

Покровский рысью на «Сокол». Пока добрался, сходка кончилась. Ввинтившись, чертыхаясь, в лаз под забором, Покровский обнаружил на той стороне четверых молодых людей и девушку. Собирались, наоборот, выбираться с каркасов в мир.

– Не запылится, дядя? – презрительно спросил высокий блондин с тщательно зализанными волосами. Шеф, внук генерала.

Покровский в таких ситуациях, встречаясь с целым коллективом, где своя иерархия и традиции, любил зайти сбоку. Можно сказать, что потерял ночью на каркасах арбуз. Несезон, арбузы в Москве с первого августа, тем неожиданней бы прозвучало. «Потерял ночью арбуз в темноте, ребята, помогите найти». Посмотреть на реакцию. Но сейчас Покровский действительно запылится, а главное – запыхался.

– Не больше тебя, племянничек, – жестко ответил Покровский. – Присядьте-ка на каркасики, поговорим. Присядьте, сказал. Проход загораживаем!

Проход действительно заблокировали. . . Другое дело, что

не такое уж интенсивное здесь движение.

Покровский вытащил удостоверение. Некоторые и раньше сообразили, что он неспроста. Расселись цветной стайкой. Маленький молчаливый крепыш в старом тренировочном костюме, вытертая фланель. Шеф и второй парень из генеральского дома, Глеб, одеты помоднее, особенно Шеф. Видно, что есть возможности. Сенька в школьной форме. Худая высокая девушка с волосами, забранными в хвост, стоптанные коричневые туфельки на ногах и джинсы «Рабочая одежда», но голубая рубашка (батник!) в талию с накладными карманами фирменная, кто-то подарил.

Встречали, быть может, развлекаясь на каркасах, человека, который что-нибудь тут выглядывал-вынюхивал? В самое последнее время, неделю-две? Нет, не встречали. Сюда или нагадить приходят, или, напротив, вступить в интимные отношения. Пока рассказчики подбирали синонимы к интимным отношениям, понял Покровский – по тому, как взгляды пересеклись, как Шеф на девушку глянул, как Глеб на Шефа, – что не обошлось в этом неформальном коллективе без любовного треугольника.

Говорил в основном Шеф, и не очень дружелюбно, и осталось впечатление, что кто-то, может быть, больше бы рассказал. Но Шеф всех заглушил авторитетом. «Мы не видели», – заявил несколько раз.

Покровский попросил показать какой-нибудь трюк... захотел сбить ритм. «Удивите меня», – попросил и тем самым

удивил собеседников. «Мы не нанятые, не будем выворачиваться сейчас», – сказал Шеф. Кивнул тому, что в тренировочном костюме. Колени протерты почти до дыр. Тот встал, поплевал на руки, посмотрел наверх, там железная балка, далеко до нее, попросит подсадить... Но парень подпрыгнул, как из пращи, подтянулся на балке, а, соскакивая, сделал заднее сальто. В общем, обычная фигура... Но это же не турник, а ржавый кусок железа в два обхвата ладоней... И площадка для приземления небольшая. Покровский выразил восхищение всем телом: руками развел, головой покачал.

Обстановка разрядилась, Покровский заехал иначе: может быть, не внутри каркасов, а рядом, в парке Чапаевском или в округе чудака в галошах видели?

Нет, сразу замыкаются.

– В галошах сейчас только деды замшелые!

Покровский сказал, что, если что вспомнят, надо запомнить фамилию Покровский и позвонить на Петровку. Несложно.

Сам позвонил из телефона-автомата Митяю, который, согласно договоренности, ждал дома. Покровский велел Митяю бежать на улицу, снова случайно встретить Сеню Семенова и вызнать у него подробности переговоров друзей-каркасолазов с милиционером. Прямо через мембрану почувствовал, как горд на той стороне провода Митяй, что ему выпало такое важное задание.

– Футбол любишь? – спросил в конце Покровский.

– А то!

– В следующие выходные «Динамо» – «Торпедо». Я тебя приглашаю.

– Я за ЦСКА болею, – решил поважничать Митяй.

– Не пойдешь, что ли?

– Пойду!

До Петровского парка Покровский за полчаса пешком домахал по бульвару, устроенному прямо посреди Ленинградского проспекта. Командировочный с мороженым... стюардесса в форме... папа в галстукe, полоски белые и черные, и дошкольник на детском педальном голубом «Москвиче», дорогушая вещь... бабушка ведет на поводке болонку.

На бабушку Покровский невольно оглянулся. Сейчас сзади вообще никого, а впереди ближайшие спины метрах в ста. Если хватануть бабушку кистенем, болонка будет единственным свидетелем. Заверещит, правда, болонка, да и кистеня нет. А бабушка аккуратная, с матерчатой голубой розой на кофточке, удобного роста. Маньяк, возможно, ходит здесь теплыми вечерами, обдумывает преступления. Чем еще тяжелым шандарахнуть. Что уже использовано? Кирпич... Ккирпич еще непонятно, использован ли он человеком или просто сила земного тяготения постаралась. Кирпич, рельс, асфальт, гирия... Урну кто-то уронил, треснула... Хрустальной вазой можно. Канделябром в марте было убийство на улице Горького, а на Ленинском проспекте в про-

шлом году – домкратом. В просвете между деревьев прозвенел трамвай, красный, стремительный.

Кравцов ждал у краснокирпичного дома-свечки в начале улицы Серегина, который совсем недавно выстроили для Героев СССР. Из-за дома символически вышел пионер в белой рубашке и алом галстуке, посмотрел налево, посмотрел направо, снова скрылся за домом. Хороший пионер, молодец. Или, напротив, планировал набедокурить да увидел Кравцова в форме. Кравцов ел беляш. Покровский поморщился. На усах жир, фу. Кравцов дожевал, торопясь, удерживая беляш в шершавой бумажке, руки об нее уже не смог вытереть, попытался вытереть о лопух – не преуспел, пришлось о брюки вытирать. Форменные не фирменные... Покровский иногда что-нибудь Кравцову про гигиену говорил, но часто не будешь одно и то же повторять, так что на сей раз промолчал.

Кравцов довел Покровского до кровавой скамейки, присели на нее. Кравцов с некоторой опаской присел, даже оглянулся. Сгорбился... Смешно. Сгорбленность маньякам не помеха. До кустов, из которых предположительно выскочил убийца, два-три шага... Все же не один шаг. В принципе жертва могла слышать шум, оглянуться... Да, в деле написано, что Кроевская плохо слышала.

Одинокая, нелюдимая, плохо слышала.

Парк устроен сложно, тропинки пересекаются под любыми углами. Выгорожено тропинками и кустами укромное пространство... ну, отчасти укромное: если ты парк насквозь

пересекаешь, то сюда не пойдешь, будет крик, но если гуляешь, то свернуть ничто не помешает. Посидел, посчитал... Да, дольше пяти минут человек в одиночестве здесь не остается.

Пять минут, пять минут. Убить можно за восемь секунд. Бежишь трусцой, видишь сквозь кусты, что на скамейке вроде бы одинокая бабушка. Не грохнуть ли ее? Делает шаг из кустов, убеждаешься, что бабушка действительно достаточно одинока, хватаешь кусок асфальта... Где хватаешь?

Взял у Кравцова папку. Шагнул из кустов, шлепнул ею Кравцова по голове, тот дернулся, признался, что неудобно. По той тропинке, с которой в кусты нырять, людей гораздо больше проходит, чем по поляне. Но Покровский все равно в течение пяти минут трижды улучил момент, когда можно было войти в кусты совсем без свидетелей.

Кравцову нужно было в отделение милиции к ипподрому: готовить завтрашний следственный эксперимент, который успели утвердить и Жунев, и Подлубнов. А Покровский был не против поработать в парке один, сосредоточиться.

Когда на место убийства приехала милиция, смертоносный асфальт валялся под скамейкой. А до убийства? Здесь его и нашел злодей, у скамейки? Или уцепил метрах в пятидесяти, где меняли асфальт, за забором парка, на Петровско-Разумовской аллее? Поменяли по обыкновению бестолково, на коротком клочке дороги, а вокруг ямы оставили... Но дело не в этом. А в том, что мимо парка с обеих сторон

аллеи люди идут едва не строем. Точно кто-то заметит, если человек хватается шмат асфальта и бежит с ним в парк.

Злодей мог прийти накануне ночью, асфальт уже был вспорот. Мог взять кусок с собой, в сумку, в рюкзак. Дошел до места, достал асфальт, рванул в кусты, лишил жизни Кроевскую Варвару Сергеевну, 1904 года рождения... А рюкзак куда дел, пока убивал? Держал под мышкой? Все громоздко и суетливо.

Проще было асфальт самому сюда, под скамейку, и принести заранее. Но что потом? Нарезать круги, пока не сядет одинокая гражданка подходящего возраста?

Если у маньяка мания убивать именно пожилых гражданок, причем любых, тогда логично.

Где-то через час Покровский обнаружил в неподходящем месте еще два куска асфальта. Примерно того же размера – с хорошую кошку – что и орудие убийства. В небольшом овражке между парком и дорогой, близ места, где шел ремонт, не очень далеко от места преступления.

Кто их сюда перетащил, зачем? Да, предметы не слишком тяжелые, но неудобные, пачкаются... руку ссадить можно.

Строго говоря, куски можно было забросить сюда с дороги. Закоротило у рабочего от мысли, что вернется он сейчас домой на «Ждановскую», а там сестра-алкоголик весь хрусталь продала и сидит с ящиком портвейна кривая уже, кошку мучает, он и метнул пару кусков не в кузов грузовика, а в другую сторону.

Покровский бродил до конца рабочего дня, пока люди от метро и к метро не хлынули широким потоком. Отправился на Петровку.

Доехала из Волгограда информация о пуговицах. Шлепают эти пуговицы на тамошней фабрике на все фасоны («на все три», уточнил Жунев) мужских рубашек.

– Сверхвысокого спроса на эти фасоны нет, – Жунев произнес слово «фасон» в нос, с пренебрежительным вычуrom, – несмотря на эпоху дефицита. Коллега из Волгограда подполковник Непряев крайне низко оценил качество продукции данной фабрики. Продукция реализуется... Вот есть список областей.

Покровский протянул руку за документом, зачитал области. Калмыкия... это республика. И области: Волгоградская, Ростовская, Саратовская, Воронежская. Конец списка.

– Все в тех краях, вокруг Волгограда, – сказал Жунев. – Если рубашки дерьмо, что их везти в столицу, правильно? Мы тут такого не носим.

Сам Жунев не был большим модником, рубашки как раз самые простые, сверху вязаный женой жакет, старый пиджак, зато все всегда безукоризненно чистое, брюки выглажены.

Фракцию безразличных к одежде вместе с Кравцовым представляла Настя Кох, которая присоединилась сегодня к группе, закончив сложный отчет по зимнему еще делу о кражах байдарок. Но если Кравцов просто внимания на себя не

обращал, Настя специально одевалась поплосше. Если не в форму, то во что-нибудь серое, старомодное, балахонистое. Настя считала себя некрасивой и назло всем бабушкам не желала быть женственной.

– Маньяк как-то связан с этими областями? – спросила Настя Кох. – Приехал оттуда?

– Рубашку могли ему привезти, мог купить на отдыхе пять лет назад. Пуговицу такую производят давно... – сказал Жунев и блеснул своими интересенькими часами, какие-то там дополнительные круги, что ли, на циферблате.

– Мог в плацкарте у соседа стибрить, – сказал Покровский. – Ты, конечно, запроси в этих областях, не зафиксировано ли аналогичных преступлений. В смысле не рубашек стибренных, а старушек прибитых. Но...

Настя Кох уже запросила. И московский архив сегодня под интересующими углами как могла перебуторила, без успехов. Есть относительно недавний экстраординарный эпизод убийства старой женщины около метро «Аэропорт», в Шебашевском проезде, но того злодея сразу задержали. Синяк один соседке, встречая новый, обещающий свершения, 1969 год, в рот поглубже засунул шланг включенного пылесоса и держал там, пока она не успокоилась. Увидев, что наделал, протрезвел, глаза ей выколол.

– В Москве, в тысяча девятьсот шестьдесят девятом году? – спросил Покровский.

В «Следственной практике» выколотые глаза еще встре-

чались время от времени, но на периферии, в отдаленных от центров цивилизации населенных пунктах.

– А зачем вообще глаза выкалывать? – вообще не знал, зачем убийца жертве глаза выкалывает, Миша Фридман, юноша из культурной московской семьи.

– Чтобы в зрачках жертвы отражение убийцы не сохранилось, – пояснил Жунев. – Чему вас там в школе милиции учат...

Действительно. Чему учат.

– Сидит этот синяк? – уточнил на всякий случай Покровский.

– Умер уже в заключении.

Вернулись к материальным уликам.

Нитяные перчатки – тысячи пар по Москве и окрестностям из такой ткани, около ноля шансов, что перчатки сыграют.

Отпечатки на гире – нет отпечатков.

Галоши. Сейчас их и впрямь мало кто носит, особенно в столицах, особенно летом. Да, вещь еще вовсе не редкая, по кладовкам у многих, но злоумышленник, подлюга, приобрел для преступлений новые галоши. Потому и не боится натопать.

– И размер обычный, сорок четвертый, – сказал Жунев. – Если бы сорок восьмой...

– А еще галоши можно поверх чего-то, – сказала Настя Кох. – У меня мама поверх валенок носила.

– Согласен, – сказал Покровский. – Родного размера ма-
ньяка мы не знаем, и сорок два может быть, и сорок три. И
меньше. Зависит, что под галошами... Надурить, думаю, хо-
чет нас с сорок четвер-тым.

По цементу эксперты подтвердили, что он на обувь пре-
следуемого попал с улицы Острякова.

Ну... Ладно. Пришел охальник по Острякова: такой те-
перь есть факт.

Фридман бодро отчитался, как посетил сначала «Торго-
борудование», а потом и вовсе Центр метрологии. Узнал все
про знаки на клеймах.

– Можно я нарисую?

– Валяй, Самуилыч!

Миша был Борисович, это Жунев так шутил.

Миша воспроизвел клеймо. Семерка слева – третья циф-
ра года поверки, двойка справа – четвертая цифра года по-
верки, тут все ясно, тысяча девятьсот семьдесят второй име-
ется в виду. Римские две палки внизу – второй квартал. А
остальные два знака значат вот что: буквы ГЕ – шифр калуж-
ского Центра метрологии (да, ГЕ – Калуга, а почему, Мише
сказать не смогли), а К – шифр личного клейма поверителя.
Конкретного человека.

– То есть мы знаем теперь, что эта гиря работала гирей в
Калужской области еще во втором квартале семьдесят вто-
рого года, – протянул Покровский. – Но в каком именно ма-
газине, информации нет, собственного номера гиря не име-

ет?

– Не имеет, – подтвердил Фридман. – Поверка производится не для того, чтобы гирию не подменяли, а для того, чтобы вес соответствовал. А то, знаете, просверливают в гири отверстия, и написано на ней пятьсот, а весит она четыреста пятьдесят...

Знаем.

Решили, что Фридман завтра с утра отправляется в Калугу, чему поспособствует наличие у него находящегося на ходу личного автомобиля.

Гога Пирамидин рассказал, что сделано за... глянул на запястье... за двадцать шесть часов, как он подключился к операции.

Метро «Аэропорт», метро «Динамо», троллейбусы, трамваи, автобусы: опрошено большинство дежурных по станциям, милиционеров, дежуривших на станциях в воскресенье вечером, водителей троллейбусов и вагоновожатых трамваев, проехавших в это время мимо «Сокола» и Чапаевского парка. У кого-то выходные-отгулы и при этом живут далеко – эти еще не опрошены, но таких мало. Результатов пока нет.

Говорил Гога подчеркнуто четко, будто не о любимой работе рассказывал, а исполнял ритуал... И Покровский понимал, в чем дело. Сам вступил мягко, чтобы не обострять:

– Есть, наверное, люди, которые ежедневно в одно и то же время в транспорте оказываются, таких бы поискать.

– Но не в воскресенье, – быстро отреагировал Жунев. – В

одно время это те, которые с работы или на работу.

– И в будни поздно вечером мало кто с работы и на работу, – встрял Кравцов.

– Скептикам бой, – автоматически ответил Гога Пирамидин, как часто отвечал, когда заходила речь о сложностях оперативной работы, но тут же не выдержал и взорвался... выматерился несколько раз подряд – на тот счет, что искать приходится непонятно кого.

Был прав, конечно. Имея одну приметку – галоши, которые можно в любую секунду скинуть, устраивать столь масштабную охоту... Абсурд. Это не только оперативники понимали, это и Жунев, разумеется, обсуждал с Подлубновым, но дело-то идеологическое, «наверху никто не спит» в тревоге за ветеранш.

– Да, что мы знаем о маньяке, давайте прикинем, – примирительно предложил Жунев. – Это человек сильный, наглый и ловкий... Напомню, что согласно мнению судмедэксперта, удары рельсой и асфальтом нанесены с оптимальной эффективностью. Скорее всего, где-то там и проживает, сука, поскольку имеет возможность убивать как по ночам, так и в ходе рабочего дня. Или не работает, или работает как-то так, что может спокойно отлучаться...

– Пенсионер военный. Или авиационный, – предположил Покровский. – Пенсия ранняя, а сил еще много.

– Чего сразу пенсионер? – возразил Гога Пирамидин. – Может, сторожит где-нибудь через сутки.

– Еще там творческих работников до черта проживает, которые не ходят на службу, – сказал Кравцов. – Писатели, артисты, циркачи. Лилипутов я там видел... Живых!

– Циркачи! – оживился Жунев. – А что? Люди физически подготовленные, психически непонятные.

– Итак, сильный, координированный, проживающий, условно говоря, от «Динамо» до «Сокола», не самый обеспеченный, судя по пуговице...

– Возможно, работа связана с командировками, если рубашка из Волгограда, а гиря из Калуги... Это все, что мы знаем?

– Зашибись сколько сведений, – резюмировал Гога Пирамидин. – И с чего вы взяли, что это его пуговица?

Правильный вопрос.

Жунев посчитал присутствующих, достал шесть рюмок. Вытащил новый коньяк из тумбы стола.

– Что делать, Гога. По всем отделениям милиции пройди, по пунктам охраны правопорядка, разузнай в ЖЭКах, кто из населения активисты... Эти хоть попробуют повспоминать. Семшова-Сенцова тебе с завтрашнего утра выделяю, – сказал Жунев.

– Вот это хорошо! – обрадовался Гога.

– Циркачи все время где-нибудь гастролируют, – сказал Покровский. – В Калуге цирка нет. А в Волгограде, помню, недавно построили.

Помолчали. Думали, Покровский сделает какой-нибудь

вывод из своей реплики, но вывода не получилось.

Выпили «за успех нашего безнадежного дела», кто-то занес недавно на Петровку этот непритязательный тост, только за это и пили теперь.

Как-то нарочито все устроено. Если ты маньяк, так сосредоточься на жертвах, на эффективности, чтобы гиря не в тополь прилетала, а в голову. Есть ощущение какой-то ерунды.

Хотел рассказать о своих сомнениях про асфальт, но не стал пока. У самого в голове недокручено. Тем более что надо было подробно обсудить завтрашний следственный эксперимент.

Дома Покровский принял ванную, пожевал бутерброды. Человечество тысячелетиями мучается для того, чтобы некоторые его особо удачливые представители имели возможность иногда читать перед сном в мягкой кровати. Любимым чтением Покровского был журнал «Наука и жизнь». Грузинскими учеными разработан автоматический анализатор, которому необходимо менее пяти секунд для обнаружения в воде неорганических примесей или их следов. Для пробы требуется всего один миллилитр воды – капля! Разработан прибор для определения качества как природных (Арагвы и Куры), так и сточных вод. Человек выступает из тени ясеня с рельсом, наносит смертельный удар и бесшумно отступает обратно в тень.

Стол на берегу озера на закате, на столе асфальт, багровый кирпич, ржавый рельс и гиря, все на фоне озера и зака-

та. Громадный водолаз выбирается из озера, привязанный к воде толстым шлангом. Берет что-то со стола, какой-то один объект, а какой именно, не видно, и снова исчезает в воде. У советских ткачих теперь есть кресло-электротележка, с помощью которого им легче передвигаться меж станков. Канарейка мечется вокруг вышки ЛЭП, новая, другая, не та. Тысячи пестрых гирь взмывают над старинным каркасом. Мягкий человек крадется по аллее посреди Ленинградского проспекта в сторону Ленинграда, оставляя огромными галошами пыльные, мгновенно уносимые ветром следы. Машинка по переработке криля в белковую зернистую икру изобретена Минлегмашем, запатентована в США и Бельгии. Очень хорошо! Бесценные консультации Н. В. Бабинцевой, Е. Ю. Богдановой, К. В. Богомолова, А. С. Кроника. Между прочим, на кирпиче-то ниток от перчаток нет, а фактура его такова, что хоть одна да зацепилась бы. Как человек становится вообще маньяком, что перещелкивает... нейрон головного мозга идет не в ту лузу... Голова старушки над скамейкой, шаг к старушке, ничего не слышит, поднять асфальт, опустить на голову старушке, бросить асфальт под скамейку... Резной силуэт в короткой юбке в пустом коридоре. Жунев нарисовал на бумажке множество силуэтов старушек и вычеркивал их одну за другой синим карандашом, а Покровский пытался заглянуть ему через плечо, понять, сколько их всего нарисовано, сколько еще ждать убийств. Старушка падает, конвульсивно сучит еще некоторое время ногами, при-

жимая к груди колбасу... Нарезав аккуратными ломтиками сыр, ветчину или колбасу, автомат запаковывает их порционно в полиэтилен, сам (!) взвешивает их, наклеивает этикетку с указанием точного веса продукции вплоть до грамма (!!!), цены килограмма продукции и данной порции. В памяти автомата сохраняется индекс упакованного продукта, а вот гиря не автоматическая, а механическая, и ничего в ее памяти не сохранилось.

28 мая, среда

– Кто там?

– Милиция, – сказал Покровский.

Мария Александровна сразу дверь открыла. Могла приоткрыть на цепочке, но даже «кто там» не из-за двери спрашивала, а уже отворяя.

– Проходите, пожалуйста.

Худая и бледная, волосы неопределенного цвета, мешковатая зеленая кофта... Интересное лицо, но вид изможденный и зубы желтоватые. Такое событие, будешь тут изможденной.

Бамбуковая занавеска между коридором и кухней – такая же у Покровского дома.

Солидная двухкомнатная квартира, огромный коридор с поворотом, высокие потолки. Дом на Ленинградском проспекте – это Покровский уточнил перед визитом – построен для академии Жуковского в конце тридцатых. Тогда жирно строили.

Темно, тяжелые гардины на окнах едва раздвинуты. Старая массивная мебель. Покровский представил, как курсанты-авиаторы ее во дворе из грузовика выгружают, а в окне патефон, а из того «Рио-Рита». Большой кожаный диван. Глухой гроб пианино. Хрусталь за толстым стеклом, большой цветок в горшке засыхает. Черно-белый телевизор «Ру-

бин». Несколько фотографий одного мужчины: в строгом черном пиджаке, в белой рубашке и черном галстуке среди летчиков, в таком же виде рядом с каким-то надутым маршалом, а вот на берегу озера – в шортах, ноги волосатые и кривые. Стекло одной из фотографий – на ней хозяин за письменным столом, усердно ставит в тетрадь какие-то цифры – ловит луч из-за гардины, освещает пыль на шкафу...

Тут же и этот письменный стол, зеленое сукно, поверху стекло, еще поверху большой кусок плотной темной материи, а уж на нем здоровенный письменный прибор из зеленой бронзы, громоздкая ручка «Спутник» на тяжелой черной с золотом подставке. А вот легкая пишущая машинка, гэдээровская «Эрика», чужеродно смотрится на старом столе. И ракушки, морские ракушки, тоже слишком легкомысленны и хрупки.

– Это из Крыма, – быстро сказала Мария Александровна, открыла ящик и смела туда ракушки. Помолчала и добавила, набрасывая на себя поверх кофты еще и старую шаль: – У меня на кухне было рабочее место оборудовано... Я машинистка, как и она была. Она тоже брала заказы, небольшие. Болела в последнее время. Я потому с работы ушла, дома стала работать. Заказы есть – от нее остались заказчики...

Три раза сказала про мать, и ни разу матерью не назвала. Все «она».

Говорила Мария Александровна медленно, рассеянно, как бы даже и не к Покровскому адресуясь. Взгляд ее блуж-

дал, руки теребили концы шали.

– Пятнадцать копеек страница, – зачем-то назвала Мария Александровна свою ставку. Покровский не знал, мало это или много.

Легкая дрожь пронеслась по паркету, чуть звякнули склянки, дребезднуло, если есть такое слово, плохо вмазанное оконное стекло: прошел внизу поезд метро.

Для начала окольными путями выяснил, что сюда слухи о маньяке не добрались. Потом соврал, что на другом конце района зафиксирован один очень и очень аналогичный летальный эпизод.

– Очень и очень аналогичный?

– В Амбулаторном проезде бабуля вышла из амбулатории, а на нее, извиняюсь, как и на вашу, кирпичара по голове. Сами ли эти кирпичи летают? Вопрос!

Хозяйка воззрилась недоуменно. А когда поняла, в чем смысл – будто бы Юлия Сигизмундовна могла стать жертвой не случайного кирпича, а специального убийцы – не испугалась. Просто смотрела на Покровского с великим удивлением... как если бы включил человек телевизор, а там сообщение ТАСС, что Андрей Андреевич Громыко разоблачен, оказался бородатой женщиной и коварно скрывал этот факт от товарищей по партии.

Потом спокойно сказала, как больному:

– Ничего подобного быть не может.

И вышла на балкон. Покровский последовал за ней. На

свету видно, что лицо у хозяйки веснушчатое и волосы рыжеватые. По Ленинградскому проспекту проехало три машины, красная, зеленая и желтая: желтая как раз обгоняла зеленую. По аллее посреди проспекта шли девушки-милиционеры. Дом Героев СССР, у которого встречались вчера с Кравцовым, за углом слева. Компактное дело. Маньяк местного разлива. Покровский чуть не спросил, доносится ли сюда шоколадный запах с фабрики, но не стал. Балкон неправдоподобно узкий, табуретка, например, не влезла бы. Влезла поставленная на попа старая полка, внутри набор курильщика: пепельница из синего дутого стекла, спички, пачка «Явы» и пачка «Беломора». Мария Александровна взяла «Яву», поймала взгляд Покровского, который смотрел на «Беломор».

– Это мама курила. А я все не уберу.

Наконец-то «мама». Тон, правда, равнодушный, блеклый. Длинно чиркнула спичкой, головка отлетела в Покровского, хозяйка даже не заметила, чиркнула второй раз, прикурила. У троллейбуса слетела дуга, женщина-водитель побежала поправлять, тягает веревку. Мария Александровна молчала. Доказывать, что маму не могли убить, явно не собиралась. Покровский с трудом вытянул, что про сумки на колесиках в магазине на улице Скаковой она (опять «она») узнала в гастрономе. Раньше ей претило (так и сказала, «претило») мешанство, суету бытовую презирала, а с годами стала мелочная... поехала однажды в Черемушки за какой-то дефицит-

ной ерундой... это старческое. И Мария Александровна закурила вторую сигарету подряд.

Но было еще что-то важное перед сигаретой: сказав про «старческое», как-то особо глубоко вдохнула, словно готовясь к чему-то, и слегка расправила плечи.

– Скажите, врагов не было у вашей матери? – осторожно спросил Покровский.

Снова глянула на него как на человека, спорить с которым смысла нет, лучше просто ответить на его ненужные вопросы.

Нет, врагов Юлия Сигизмундовна не имела, как и друзей особо не имела, изредка выезжала встречаться с бывшими сослуживицами, посещали филармонию или консерваторию, в доме почти ни с кем не общалась, много смотрела телевизор (на этом месте Мария Александровна чуть-чуть поежилась). Муж Юлии Сигизмундовны и отец Марии Александровны Александр Николаевич Ярков на фронте не был как ценный специалист, а жена его, как жена ценного специалиста, долгие годы не работала, но после его смерти в 1959 году стала подрабатывать машинописью. Перед тем как сесть за машинку, переодевалась – дома! – в черный низ, белый верх. Всегда носила с собой документы, так что личность погибшей под кирпичом выяснилась сразу.

– Мне позвонили, – указала Мария Александровна на старомодный черный телефон и снова поежилась, – а у меня кружка с чаем в руке была. Разбила...

Покровский пришел, думая позвать Яркову-младшую на следственный эксперимент, но настолько она вся в своих мыслях, в своем неведомом мире... Там, чувствовал Покровский, нет матери – ни живой, ни мертвой. Нет смысла тащить Марию Александровну на эксперимент.

Трагедия произошла в понедельник в 13:50, эксперимент проводили в среду в 13:50, тоже будний день. Погода похожая, тогда было плюс 15, сейчас плюс 10, дождя нет. Если и влияют пять цельсиев на человекопоток, то в рекреационных зонах, а на Скаковой люди живут, работают или спешат по делам, то есть их должно быть столько же, сколько и в понедельник.

Там, где находилась идущая из магазина Яркова в миг падения кирпича, нарисовали мелом круг. Метра на три во все стороны от круга территорию огородили кривобокими заборчиками. Своим сотрудникам Покровский велел за пару минут до начала занять позиции сверху и снизу по улице – перехватывать прохожих с маленькими детьми, чтобы не испугать. На улице все работали в штатском, а милиционеры в форме попрятались по укрытиям. Сам Покровский занял позицию внутри аварийного дома, у дверей на роковой балкон.

13:50, пора. Шаг вперед, бросок, шаг назад.

Мешочек с гравием шлепнулся на голову Насте Кох, совсем небольшой, да и голова Настина предохранялась плотным платком. Настя Кох артистически упала. С кровью ре-

шили не связываться, не усложнять. Вокруг раздались крики, замельтешили люди, многие бросились Насте на помощь, кто-то закричал «милиция»... Тут и выступили – как в оперетте из-за кулис – из подъезда соседнего дома, из дверей «Хозтоваров», из синего жигуленка, из-за аварийного дома, из автомобиля аварийной службы оперативники в форме. Нужно быстро опросить как можно больше свидетелей – многие разбегутся, ждать не станут. Нашлось, конечно, и двое-трое смелых, которые решили не разбежаться, а разбираться, рвануть в пустой дом... Их вежливо купировал Гога Пирамидин.

Уже через пятнадцать минут в салоне синего жигуленка Покровский и Кравцов с планшетом, устроившись на заднем сидении, начали принимать показания от оперативников, которые один за другим забирались на переднее и диктовали результаты. Опросили сорок человек. Тридцать из них – удобно считать в долях, ровно три четверти – видели, как человек отскакивает с балкона вглубь дома. Двадцать уверенно сказали «мужчина». Десятеро запомнили отдельные приметы – цвет волос, одежду. Двое даже примерно описали Покровского. Средний рост, волосы темно-русые, недлинные, лицо круглое...

Один опрошенный заявил, что четко видел на балконе троих «подозрительных лиц». От него, правда, пахло одеколоном.

Но если его вычесть, все равно будет двадцать девять из

тридцати девяти. А двенадцатого мая, когда гражданка Яркова приняла смерть от кирпича, никто никого не заметил.

Кроме того, чтобы быстрее испариться с балкона, Покровский бросил мешок и шагнул назад, не дождавшись, пока снаряд достигнет цели. И все равно не успел спрятаться. Значит, если двенадцатого мая был на балконе злодей, то отпрянул он еще быстрее. И значит, как и в случае на каркасах, не мог быть уверен в эффективности своей атаки. А что это за убийца такой приблизительный.

Вывод: никого на балконе не было. Кирпич отвалился сам по себе.

Кроме белого круга уже ничто не напоминало о следственном эксперименте. Новые прохожие и не подумали бы, что здесь совсем недавно происходило такое серьезное криминалистическое мероприятие. А вот круг останется, дети с ним придумают какую-нибудь игру.

С Настей все в порядке, отряхнулась и поехала «по психам», то есть в ПНД и в больницу на улицу 8 Марта.

Гога Пирамидин – встречаться с дружинниками из МАДИ (большой институт между «Аэропортом» и «Соколом»). Там уже провернулся один сюжет с галошами: привлеченный курсант услышал о подозрительной паре, которая ходит по дворам у метро в этом типе обуви. Нашли пару мгновенно, галоши были только на мужчине, сорок второго размера, и охотились эти люди с Ленинградского рынка не на старушек, а на кошелки творческой интеллигенции, предлагали по ме-

сту жительство сметану и творог.

Покровский позвонил на Петровку. Лена Гвоздилина зачитала телефонограмму от Миши Фридмана. «Гиря утрачена кафе в ходе выездной торговли на набережной реки Яченки в парке Циолковского в Калуге по ходу празднования дня Циолковского в сентябре 1972 года. Выезжаю в Москву. Фридман». Ну выезжай.

Новых покушений не зарегистрировано. Ладно.

В Доме офицеров – он располагался в некогда роскошном, а ныне облезлом здании купеческого ресторана – давали фильм «Белый Клык». Афиша рукотворная, но художник здесь не сцены из фильма рисует, а просто краской выводит большие буквы, название. Разумное решение руководства, а то иной раз так намалюют... Того же Белого Клыка Покровский видел на днях больше похожим на овцу. Одно дело нелепая картинка на городском кинотеатре, другое – на столь гордом учреждении. Пацан в пилотке из газеты при тормозил у афиши, сунул палец в рот, изучает расписание сеансов.

Погибшая в парке Кроевская жила в конструктивистском доме напротив, тоже довольно дряхлом. Краска лоскутами со стен, подъезд захламлен: пожароопасные шкафы, старые батареи. Если следующую старушку грохнут чугунной секцией от батареи, готова версия, откуда орудие преступления. На некоторых почтовых ящиках по уходящей традиции наклеены вырезанные из газет-журналов названия, «Советская

Россия» и «Красная звезда», «Известия» и «Крестьянка». В новых домах уже не клеят, а тут инерция работает. Большинство названий обгвазданные, противного цвета. И все соседи знают, что ты читаешь. На ящике номер тринадцать две вырезки – «Советский спорт» и «Крестьянка». Сгнившие перила, на стенах копотью выведены скабрёзности. В лифт Покровский не пошел, поднялся пешком на третий этаж.

Звонок: Смирнов 1 раз, Бадаев 2 раза, Кроевская 3 раза, Абаулина 4. Покровский позвонил три. Прислушался: за дверью раздался шорох, потом замолкло, потом снова шорох и какие-то всхлипывания. Будто решали, открывать или нет гостю покойницы. Покровский позвонил один раз: дверь открылась мгновенно. На пороге стоял мужчина в выцветших трусах и майке, в чудовищных древних тапках, быстро переминался с ноги на ногу, почти танцевал. Слюна текла из доброжелательной, но страшной беззубой улыбки.

– Здравствуйте! – крикнул Василий Иванович. Покровский запомнил, конечно, такое имя, читая дело. – Проходите!

Прежде чем пропустить Покровского, еще немного потанцевал, потом отшагнул вглубь. Опять крикнул, не вопросом, а утверждением:

– Вы из милиции!

Почти квадратная прихожая, на двери Кроевской пломба с бумажкой. Из мебели – рогатая вешалка с двумя темными куртками у одной из дверей. Тут же две похожие па-

ры черных мужских туфель унылых моделей. У двух дверей из четырех коврики, к стене прибита полочка для телефона, телефон на ней с перевязанной изолентой трубкой. Четыре черных счетчика на той же стене с совиными эбонитовыми очами.

Дверь рядом с вешалкой распахнулась, выглянул невысокий крепкий мужчина, обязанный быть, согласно записям, Бадаевым Николаем Борисовичем.

– Василий, что тут?

– Из милиции!

Бадаев вышел в коридор, смотрел на Покровского несколько исподлобья, лучезарности не источал.

– Капитан Покровский, – представился Покровский и достал удостоверение.

Девять из десяти граждан удостоверение в таких случаях не смотрели, Бадаев же потянулся. Покровский открыл корочки, подержал перед лицом Бадаева.

– Хочу задать вам несколько вопросов о вашей бывшей соседке. Можно пройти к вам?

Указал рукой на дверь Бадаева. Тот, похоже, на кухне бы предпочел поговорить, но отшагнул, пропустил в комнату.

В центре комнаты так называемая «телерадиола»: телевизор плюс радиоточка плюс проигрыватель в одном корпусе. «Харьков». Такой же есть белорусский, очень похожий. Оба низкого качества, денег своих не стоят. Покровский изучал вопрос – собирался купить телевизор. У него не было, то есть

был, Жунев дал свой старый, но там программы надо было плоскогубцами переключать: рукоятка потерялась, только торчал штырек, и изображение прыгало. Проигрыватель хороший Покровский купил, а с телевизором тянул.

Комната немаленькая, метров двадцать. Бутылка «Хванчары» сразу в глаза бросилась – но нет, полупочатая, плотно заткнута пробкой. Несколько номеров «Советского спорта» на краю стола – в стопочку. Три шкафа одинаковой современной дешевой марки, коричневая полировка. Кровать за одним из шкафов. Магнитофон, между прочим, большой «Шарп» на тумбочке напротив кровати, Покровский знал эту модель, на нее прямо с радио можно записывать, стоит не сильно дешевле «Запорожца». Кровать идиотская при этом, с панцирной сеткой, с шарами. Два кубка, вымпелы. На этажерке запакованная коробка с кинокамерой «Аврора-18» (сто пятьдесят рублей минимум). Тут же одеколон «Красная Москва», запасы, шесть пузырьков. Три запакованные пачки американских сигарет, зеленые, это значит, что с добавлением ментоловых капель. Запаха табака при этом в комнате нет. Вдоль стены на полу в свободном углу груда клюшек в мотке, штук двадцать. Чугунные гантели крест-накрест, одна на другую налезла.

– Вы, я знаю, в ЦСКА работаете.

– Да, – настороженно ответил Бадаев.

– Вы спортсмен?

– Я по хозяйственной части, но был спортсменом... – Уви-

дев, что Покровский хочет уточнить, сам уточнил: – Бокс.

– Какой вес?

Подбородок квадратненький, нос – да – перебитый, шишковатый лоб, бледно-зеленые маленькие глаза. Волосы черные, короткий ежик. Рубаха застегнута на верхнюю пуговицу, под рубахой просвечивает майка.

– До семидесяти одного килограмма. Высшее достижение – чемпион области.

Про чемпионство добавил с такой интонацией, что, дескать, готов, конечно, говорить о себе. Но вы же не за этим пришли.

Покровский расспросил про Кроевскую. Жила одиноко, с соседями общалась мало. В голове у нее тараканы, но он, Бадаев, особо не вникал. Тем более что она плохо слышала. В Петровский парк? Да, часто ходила. К ней кто заходил? Редко заходят пенсионерки такие же. Когда в последний раз был кто-то из пенсионерок? Давно, сразу не вспомнить. О прошлом своем не распространялась. Известно, что сидела в тюрьме. Этого не было в деле! За что? Мутные какие-то делишки, он, Бадаев, сильно не интересовался. А на войне была? Была вроде. А что другие соседи? Райка себе на уме. Гости к ней все время, но он, Бадаев...

– Особо не интересовались! – подхватил Покровский.

– В чужие дела не лезу, – подтвердил Бадаев.

– Хорошо вам, – сказал Покровский. – А мне вот все время приходится.

– А я не лезу, – повторил Бадаев. – Ваську вы сами видели, а у Райки своя жизнь. Открытку ждет, я слышал.

– Вот ведь как, – цокнул языком Покровский. – А ведь простая официантка...

Бадаев не отреагировал, было видно, что не совсем доволен, что сболтнул. Лишняя тема, а его хата с краю.

Бывал ли в комнате Кроевской? Один раз. Прорвало у нее трубу, вентиль надо было перекрыть, а она не могла сама, вентиль сто лет не вращали, закрасили масляной краской, пришлось напрячься. И что? Навязала три рубля в благодарность. Не хочу, говорит, быть в долгу.

Когда узнал о гибели Кроевской? Домой вечером с работы пришел да узнал.

Поздно с работы приходит? Чаше поздно. Сейчас еще не пришел, а заглянул забрать кое-что (или принести из подтибренного – клюшки, например, подумал Покровский) и идет обратно. У борцов сегодня показательные тренировки, надо быть, мало ли что.

Мертвую Кроевскую опознала проживающая неподалеку другая пенсионерка, несколько лет назад вместе с Кроевской работавшая. Милиция сразу пришла по месту жительства, застала Василия Ивановича с сестрой его Елизаветой Ивановной, которые как раз вернулись с прогулки. Гуляют они, что естественно, в том же Петровском парке, но по тропинкам: на поляны не сворачивают и на скамейки не присаживаются. Это тоже в деле указано.

Еще под кроватью какие-то коробки видны у Бадаева. Простой советский жулик. «По хозяйственной части».

На ногах шерстяные носки под старыми сандалиями. Если на них натягивать галоши, то нормально, сорок четвертого как раз и будут размера. Толстыми носками пользуется, не курит! Хоть сразу в подозреваемые записывай... Не всерьез, конечно, так подумал Покровский.

– О несчастном случае у ипподрома слышали?

– Слышал... – ответ через небольшую паузу.

– Может быть, еще о каких-то подобных случаях кто-то рассказывал? На работе или во дворе?

– У «Баку», говорят, племянника Магомаева зарезали.

– Магомаева? – не ожидал Покровский.

– Певец такой.

– Знаю...

Думал, Бадаев уточнит, правду ли говорят, но Бадаев не стал уточнять.

Интересно поговорить с Василием Ивановичем. Он стоял на пороге комнаты и быстро-быстро шуровал обеими руками в воздухе на уровне груди, будто мух ловил.

Грудь узкая, руки хлипкие. Ноги... сороковой примерно. Маленькие совсем. Но движения энергичные. Если дать ему в руку гантель и поставить на дороге старушку...

Нет, убийцу Покровский в тринадцатой квартире вряд ли найдет, задача побольше выяснить об убитой.

– Вы общались с Варварой Сергеевной?

Комната почти пустая и очень маленькая. Шкаф, кровать, стол, два стула, в углу тумбочка, а на ней, не на столе, тарелка с холодными макаронами. Алюминиевая вилка воткнута, и кусок батона поверх макарон. Майонезом еще все обрызгано. На шкафу радио «Москва», но без букв «Москва», отвалились. На стенах ничего. Пол чисто выскоблен. Василий Иванович громко сморкнулся в вафельное полотенце. Старые обои, лампочка свисает под жиденьким абажуром.

– Общался! – говорит громко, почти кричит.

– О чем вы обычно разговаривали?

– Про здоровье! – потоптался, половил мух. – Или какая погода!

– Вы были у нее в комнате?

– Колька был! – Василий Васильевич обрадовался, шагнул в коридор и стал тыкать в дверь Бадаева. – У нее трубу! Затопило! – и тут же перебил сам себя. – Комнату затопило! – И опять перебил. – Не успело затопить, Коля помог!

– А у нее бывают гости?

– Нет. Приходила старушка! Перестала ходить!

– Давно?

– Давно!

– Насколько давно? Год назад или три года назад?

– Год назад! Или три года назад!

Постепенно Покровский приноровился разговаривать с Василием Ивановичем. В целом нашел его человеком разумным. Не может строить длинных фраз, плохо ориентирует-

ся в длинном времени – сказал, что живет в квартире «лет десять», а жил он тут, знал Покровский, больше двадцати, дольше всех остальных. Но четко представляет время текущее: сказал, что сестра Лиза навещает его по четвергам и воскресеньям в два часа, что к Бадаеву гости заглядывают редко, а к Раисе часто заходят «разные», но обычно она днем уходит на работу и возвращается уже в ночи, когда сам Василий уже спит, а ложится он около одиннадцати.

– Райка добрая!

– Добрая?

– Луковицу подарила!

Звучало бы нелепо еще в прошлом году, а в этом репчатый лук и впрямь начал то и дело исчезать из продажи.

– Комната вам достанется? – спросил Покровский.

Это следовало из материалов дела. Погибшая старушка была одинока, а у Василия Ивановича, что Кравцову разъяснила сестра мухолова Елизавета Ивановна, первоочередное право, как у инвалида первой группы.

– Комнатка! – обрадованно закивал Василий. – Нам достанется, нам!

Третья соседка – Абаулина Раиса, 1949 года рождения – официантка в ресторане «На Беговой». Можно попробовать застать ее дома утром... А можно поужинать туда наведаться.

Покровский поехал на Петровку, Жунева с допроса вытащить не смог, встретил в коридоре судмедэксперта Марину

Мурашову, спросил, не составит ли она ему компанию в ресторане. Марина глянула немножко удивленно, но согласилась незамедлительно.

Это фантазия, правда. Покровский просто позвонил на Петровку. Двухку стрельнул во дворе у Бадаева, который вышел вместе с Покровским.

– Скажите, Николай Борисович, вот Василий Иванович упомянул, что Кроевскую посещала одна и та же подруга, и довольно часто.

Бадаев пожевал губами.

– Может и одна. Я мало видел.

Налево через дорогу – мрачные бараки необитаемого вида, за ними закопченное здание бывшей церкви. Прямо – красно-белая будка телефона-автомата у Дома офицеров. Топчется майор с букетом. Из телефонной будки вышла девушка, а ее-то майор и ждал! Сразу нахмурился, забормотал что-то.

Телефонная трубка теплая, дыхание девушки на ней.

С Жуновым Покровский связаться не смог, застал Кравцова, узнал, что новых убийств по линии пенсионерок не зафиксировано, что за дополнительными сведениями о Кроевской («Она сидела, а в деле об этом хрен!») Кравцов поедет в отделение милиции завтра («Они только сегодня отзвонились, тянули, я дважды давал запрос»), что Фридман куда-то пропал, не приехал из Калуги (колесо, надо думать проколлол, или два колеса).

А что до судмедэксперта Мурашовой, если бы Покровский пригласил ее в ресторан, то она, очень может быть, согласилась бы с удовольствием. Так Покровский думал... Но не приглашал Марину в ресторан.

Посидел немного на скамейке в Петровском парке (на другой!), поглазел на прохожих. Появился мужчина в черном пиджаке, один рукав пустой. Душа человеческая потемки... Высматривает, на какой скамейке удобнее застать старушку врасплох? Однорукому, конечно, несподручно было бы в случаях с асфальтом и рельсом. Гирию мог метнуть. Или бродит-смотрит, нет ли бутылки пустой, двенадцать копеек штука. Или авиаинженер-фронтовик обдумывает новаторское крыло. Лица его Покровский не рассмотрел и вывода никакого не сделал.

Любопытно, что Кроевская Варвара Сергеевна так удачно для убийцы села: на уединенную скамейку. Даже еще и с куском асфальта внизу. Может быть, кто-то заставил ее туда сесть? Но как?

Ресторан скромный, Покровский проник за рубль, ему отвели место за столиком, где уже сидели двое обильно закусывавших и при этом что-то серьезно обсуждающих грузин. С появлением Покровского перешли на грузинский и громкость чуть прикрутили. Музыканты еще не играли, но уже то один, то другой выходили на сцену, поправляли шнуры и микрофон.

Седоусый официант появился довольно скоро, сдержан-

но поздоровался. Покровский заказал «Боржоми», трехзвездочного коньяка двести, зеленый салат и шашлык. От «икорочки-буженинки на закусочку» отказался. Грузины – явно деловые, по фруктам, а может с ипподромом связаны. Через проход странная пара, совершенно молчаливые мужчина и женщина, едят без алкогольного сопровождения, вообще ни слова друг другу, но поссорившимися не кажутся, не ощущается напряжения. Дальше четверо командировочных. Но вот и Раиса Абаулина – лицо несравнимо приятнее, чем на фотографии в деле. Там она напыщенная и губастая, а в реальности пусть и полненькая чуть-чуть, но двигается легко, улыбка по лицу порхает, ямочки на румяных щеках, подзавитые каштановые волосы.

Освещение, надо признать, так себе, огромные окна занавешены голубовато-серыми складчатыми гардинами. Грязноватые стены, грузные, слишком высоко висящие люстры, горит одна из трех, чтобы не подчеркивать общего ощущения потертости; жухлый зеленый плющ... А на Раису как раз упал луч, и ее энергия и улыбка... будто придает Раиса этому интерьеру некоторую романтику.

Столики Раисы располагались наискосок, она часто пробегала мимо, крепкие икры, похожие на кегли. Покровский любил, чтобы ноги не прямые были, а с сюжетом, лодыжки пусть и деревенские, но другой формы, внизу поуже, выше, к ляжкам, резко идущие вширь...

Раиса Абаулина периодически ныряла на кухню и выны-

ривала оттуда с полным подносом. Это понятно, но еще несколько раз она выходила в холл, куда по логике вещей ей особо было не надо. Дождавшись очередного эпизода, Покровский двинул следом, будто бы в туалет. Увидел, как Раиса Абаулина, почти не скрываясь, передает энергичному гражданину бутылку «Столичной». В философском смысле скрывать и нечего. Довольно глупо, что водка продается в торговых сетях до семи. Но в юридическом смысле разумно было бы таиться. Откровенное нарушение. Покровский, проходя мимо, глянул Раисе в лицо, она не смутилась, Покровского тоже окинула коротким оценивающим взглядом.

Две золотые цепочки на шее или даже три. Грудь не чрезмерная, но крупная, сочная, того и гляди выпрыгнет, лифчик тесноватый.

Все, упорхнула Рая.

Музыканты заиграли – настолько фальшиво, что надо уж уходить.

Правильно, что не пригласил Марину Мурашову. Если приглашать, то заранее заказать столик на двоих, и не здесь, а договориться, например, в ресторане Дома кино. Или вообще пригласить в филармонию.

Только это ни к чему.

Вытаскивая из кармана ключи от квартиры, Покровский услышал, как звонит телефон. Первая мысль, конечно, про новых старушек. Телефон в коридоре, снял сразу трубку, другой рукой стукнул по выключателю, но попал по выключ-

чателю не от коридора, а от кухни. Так и разговаривал в темноте. Свет из кухни отражался в зеркале за спиной, зеркало отражалось в дверном стекле, тень Покровского с трубкой подле уха колыхалась вместе с бамбуковой занавеской.

– Это я, привет! – Кравцов в трубке. Задыхается, запыхался.

– Что там?

– Освободили Фридмана! – отрапортовал Кравцов.

– Кого... Откуда, то есть?

– Мишу Фридмана из подвала! Все в порядке, отправили его домой целым и невредимым. Звоню, чтобы ты не беспокоился!

– Я и не беспокоился.

Не стал добавлять, что пребывание Фридмана в некоем подвале в целом для него новость. Про медаль «За освобождение Фридмана» шутка еще позже в голову пришла.

29 мая, четверг

Форму Покровский надевал редко. По официальным случаям раза два в месяц, еще пару раз по настроению, по внутренней какой-то подсказке. Сегодня увидел в шкафу (пока был в отпуске, Эвелина Октябриновна ее вычистила), решил нацепить. И прямо символически вышло, хуже не придумаешь.

Постовой во входной будке на Петровке был сосредоточен сверх обычного, и Покровский заподозрил что-то неладное. У клумбочки, которую уже который год грозились заменить монументальной пропагандой, столкнулся с тем из парткома, которого про себя давно называл вслед за Жуновым неприличным словом с добавлением «из парткома». Тот не заметил Покровского, чуть с ног не сбил.

И уже в вестибюле: портрет следователя Сережи Углова – в форме, в траурной рамке, и цветы.

Господи.

Сестра Саша смеялась над Покровским в Свердловске, когда он, разбив чашку, вздохнул «господи». Дескать, ты атеист, а все равно говоришь «господи». А ничего смешного, просто инерция языка.

Сережа погиб на ночном дежурстве, сегодня на рассвете. Вызов был на пьяную поножовщину, а одним из фигурантов оказался находящийся в розыске рецидивист Ципис. При

появлении дежурной группы Ципис устроил стрельбу. Пять пуль в белый свет, одна Углову в сердце. Покровский очень тепло относился к Углову, как раз на дежурства любил вместе с ним попадать: спокойный, ответственный, всегда доброжелательный... Да что ж это такое!

Какие сразу лезут слова идиотские – «ответственный»...

Пошел в комнату отдыха, там воздух от табачного дыма сизый, все растерянные и возбужденные, женщины в слезах. Жена сейчас где-то, вдова... Жену Сережи он неплохо знал по майским и ноябрьским встречам на демонстрациях – смешливая, восторженная... Пацан у них... как же зовут его... тоже Сережа, вспомнил. А жена – Наташа.

Потом возился с делом, просматривал отчеты коллег. Злое существо человек... или это жизнь злая. Товарищ погиб, а человек живет... История маньяка захватывает, раздражает... Перечитывая медэкспертизу по Ширшиковой, совсем было забыл о погибшем товарище, а потом – по ходу изучения карты района – разом все вспомнил, большим пестрым комом. И про то, как разговорились однажды после службы в стекляшке в парке Эрмитаж, и Сережа рассказал, как его собака в детстве (в Сережином детстве, но и в своем, щенячьем) погибла под грузовиком, и про скотину Циписа, которому до вышки теперь устроят коллеги Покровского существование хуже, чем вышка, и еще сцены какие-то, как в кино без звука.

Шагают Сережа с женой на майской на демонстрации, ма-

ленький Сережа у большого на загровке.

Оторвался от бумаг без двух минут до совещания, пошел к Жуневу.

Жунев, Покровский, Настя Кох, Кравцов, Фридман, Гога Пирамидин. Только Семшов-Сенцов, как всегда, в разгонах.

Жунев достал – нет, не коньяк, бутылку теплой водки, шесть рюмочек с чеканкой.

– По пять капель надо, – сказал. – Давайте, не чокаясь.

Разлил грамм по двадцать, встали, выпили.

– Давайте, у кого какие новости... У меня одна есть, – Жунев глянул на часы, – но попозже. Фридман, расскажи про Калугу.

Выглядел Фридман побито, красный и взъерошенный, но к докладу приступил уверенно. Вытащил тонкую папочку из новенького «дипломата» (больше в нем ничего не было, заметил Покровский). Гиря, летавшая в Чапаевском, несла на себе личное клеймо опытного поверщика Игнатьева. Поверщик запомнил этот случай, поскольку проверял, то есть поверял гирию за неделю до дня Циолковского.

Кафе номер семнадцать с правом выездной торговли было под естественным подозрением у компетентных органов. Даже в магазинах гири выпиливают, чтобы меньше весили, хотя в магазине покупателю легче сосредоточиться и понять, что его обжуливают. А выездная торговля – толкотня на свежем воздухе, успевай шашлыки с шампуров стаскивать, «куда, дамочка, лезете, словно без мыла, вас здесь не стояло» –

сам бог велел мухлевать. Были на это кафе сигналы, поэтому устроили две поверки с коварной паузой в две недели. Игнатъев и удивился во второй раз, что гиря в комплекте новая, только что получена из треста. Якобы, когда на день Циолковского кафе разворачивало буфет в парке, там кто-то и украл гирию, или еще как-то она потерялась, укатилась в траву. Игнатъев был уверен, что грамм до ста веса из нее перед парком выпилили, потому и потеряли, но доказать не мог.

Но ошибался поверщик Игнатъев, ничего из гири не выпилено. Неясно лишь, каким манером перенеслась гиря из Калуги в Москву.

– А как отмечают день Циолковского? – спросил Покровский.

– Еда всякая, лимонад, песни на эстраде... – торопливо пояснил Фридман. – Массовик-затейник. Конкурс на столб лезть...

– К звездам?

– Нет. Наверху столба корзинка с продуктами и бутылкой.

Тут Покровский вспомнил про Сережу Углова, и ему стало стыдно за шутку про звезды. И тут же еще вспомнил один разговор с Сережей Угловым... Ну-ка, ну-ка...

Попросил Жунева включить вентилятор. Тот включил, но вскоре автоматически выключил. Совсем не душно.

Тайны вчерашнего пленения Фридмана Покровский до сих пор не знал. Утром не до этого резко стало, и сейчас речь

не зашла.

Кравцов доложил результаты следственного эксперимента: однозначные.

– Считаем, значит, что кирпич на ветераншу упал сам по себе, в рамках всесоюзного разгильдяйства? – уточнил Жунев. – И между первой бабушкой и прочими нет никакой связи?

– Или маньяк подражает кирпичу, – неожиданно для самого себя сказал Покровский. Конечно, мысли следует сначала обдумывать, чем швыряться ими, но оперативное совещание это такой коллективный мозг, так что – нормально.

– Подражает кирпичу? – нахмурился Жунев.

– То есть такая связь, что маньяк услышал про первую старушку и решил: а ну-ка я тоже так попробую? – догадался Кравцов.

– Например, – с задержкой кивнул Покровский. – Или даже не услышал, а почувствовал.

– Что почувствовал? Что? – спросили почти одновременно Жунев и Настя Кох.

У Насти Кох туфли на низком каблуке, откровенно старомодного вида («Как у Крупской», почему-то подумалось Покровскому, хотя знать он не знал, что за туфли носила Крупская, может босиком все время ходила в знак солидарности с пролетариатом) и на шнурах. Один шнурок коричневый, а другой черный. Какой-то, наверное, порвался, а Настя принципиально продемонстрировала самой себе пренебрежение

к внешности.

– Я как понимаю: маньяк, и вообще любой сумасшедший, от нас отличается тем, что у него одни черты личности преуменьшены... раз ему старушек не жалко... а другие преувеличены. Он мог на своей волне поймать что-то такое прямо из космоса, идею насилия над пенсионерками...

Говорил и сам к себе прислушивался, именно ли это он хочет сказать или что-то тут еще другое есть, ускользающее.

– Это ты загибаешь, – сказал Гога Пирамидин.

– Почему? Безумие – страшная сила.

– Крысы звуки слышат на других волнах, маньяки тоже, возможно, могут, – поддержала Покровского Настя Кох.

Миша Фридман вполголоса возразил ей, что это не только крысы, что у животных вообще иначе, чем у человека, устроено, но, поймав на себе взгляд Жунева, замолк.

– Из космоса не думаю, – сказал Жунев. – А слышать мог. Даже видеть мог, сука. Проходить мимо.

Закурил. Гога Пирамидин тоже закурил, и Настя Кох тоже. Покровский не курил, Кравцов как раз пытался бросить, Фридман покуривал, но не решился сейчас, а только приоткрыл пошире, поймав взгляд Жунева, форточку.

– Или так, – сказал Покровский.

– Всю жизнь мечтал крошить старушек, а тут увидел подсказку и сорвался с катушек, – сказал Жунев. – Допустим! Но что из этого следует? Для нас с вами?

– Усилить поиски у ипподрома? Если видел, значит, близ-

ко живет или работает, – предположил Кравцов.

– Просеиваем и так плотнее некуда, и у ипподрома, и на «Соколе», и везде, – решительно сказал Пирамидин. – Собесы, общежития, твою туда, уличная торговля, поликлиники, сторожа всякой мелкой дряни, вахтеры всех научных институтов, их там как грязи, НИИ патологии, НИИ хронологии... Примет нет!

– С приметам и дурак найдет...

– А что в милиции про отсидку Кроевской? – спросил Покровский у Кравцова.

Ничего. В милицию на «Аэропорт» Кравцову пришлось ехать лишь для того, чтобы получить номерочек какого-то лубянского телефончика. Не могли по телефону сказать телефончик – секретность.

– Я так и думал, – кивнул Покровский. – Политическая или что-то такое.

Миша Фридман шевельнул ушами на слове «политическая». Слушает, возможно, «голоса». «Есть обычай на Руси в восемь слушать Би-би-си». Ничего, начнет в розыске работать, не до голосов станет.

– Нам-то вряд ли есть разница, – сказал Жунев, убрал бутылку в стол, чтобы глаза не мозолила. – И для маньяка не было. Ты, Кравцов, конечно, на Лубянку сходи... Но толку не будет.

Настя Кох рассказала о работе с психами по списку из ПНД. Посетила человека, который купил китайский ковер и

видит, как ночами на нем проявляется флуоресцентный рисунок Мао Цзэдуна в гробу... А ведь он жив, Мао! Посетила другого человека, у которого аллергия на людей. Выходить иногда приходится на улицу, и это для него дикий стресс – даже от вида двуногих (только так людей называет) дурно, а если кто попытается заговорить, то просто караул. Прибегает обратно, наполняет ванну водой, сидит в ней неделю – отходит.

Очевидное преимущество советского умалишенного над буржуазным, подумал Покровский. У них-то там, все время рассказывают, ломовые цены на воду, на электричество.

Зазвонил телефон.

– Да, – сказал Жунев в трубку. – Да, пусть проходит и заходит в кабинет.

Ага, Жунев обещал новость...

– А вот сейчас скажи, Михаил, – спросил Жунев, положив трубку, – продолжаешь ли ты настаивать на своей версии вчерашнего с тобой вечернего происшествия?

– Я как было написал, – едва слышно произнес Фридман. В пол смотрит.

– Возвращаясь с оперативного задания из Калуги на личном автомобиле, – зачитал Жунев по бумажке, – увидел на светофоре в соседнем автомобиле «Жигули» свою близкую интимную знакомую рядом с неизвестным молодым человеком на водительском месте. Моя знакомая оказывала молодому человеку знаки ласки. Знаки ласки, хорошо пишет,

стервец!

Миша сидел как рак. В смысле, как вареный по цвету.

– Интимную знакомую уже имеет, если не брешет, – издевался Жунев.

Миша сопел.

– Охваченный ревностью, я непростительно забыл о своих служебных обязанностях и погнался за автомобилем «Жигули»...

Ай да Фридман! Из дальнейшего следовало, что погоня за «Жигулями» привела Фридмана на его двоюродном «Москвиче» в Фили. Там близкая интимная знакомая и неизвестный молодой человек якобы вышли из машины и проследовали в одно из аварийных строений. Фридман, страдаемый жаждой мести, поспешил за ними, но внутри аварийного строения было темно, преследуемые вышли через другой выход, а дверь за Фридманом захлопнулась, и он уже никакого выхода не нашел.

Через несколько минут по ноль-два поступило анонимное сообщение, что сотрудник милиции заперт по такому-то адресу, через час Фридман обрел свободу.

– Не за «Волгой» погнался, за «Жигулями»?

– Да... – подтвердил красный Фридман.

– А кто позвонил, что ты заперт?

– Не знаю.

– Ты понимаешь, что если я дам ход этой ксиве, конец твоей школе милиции? – спросил Жунев. – Поедешь сроч-

ную отбывать в Чучмекстан или к себе в Биробиджан.

Фридман молчал, шмыгал.

Отворилась дверь, вошел Панасенко. Фридман чуть не вскочил при его виде, но удержался и просто насупился еще пуще прежнего. Кравцов тоже слегка напрягся.

– Вся честная компания, – протяжно сказал Панасенко. – Как здоровье?

Последний вопрос был адресован лично Фридману, тот не ответил.

– Значит, я правильно понял, – сказал Жунев. – А ты, Панасенко, зря ржешь.

– Врешь, начальник, я и не думал ржать.

Панасенко действительно был серьезен. Это Покровский ржал про себя.

Да, а Серега Углов – в морге. Можно представить, что сейчас с Наташей...

– Думаешь, я тебе статьи не найду? – спросил Жунев Панасенко. – Ты представителя органов при исполнении запер... мать твою!

– При исполнении? Что же он исполнял? Полонез Огинского?

Полонез этот – не сам, разумеется, а его название, хотя там и мелодия простенькая – все знали благодаря одноименному фильму, который часто крутили по телевизору. И потому, что Огинский был поляком (а народная Польша в прошлом году праздновала какую-то дату), и в преддверии юби-

лея Победы, а фильм про войну.

– Или без статьи тебя самого в сарае... – кипел Жунев.

Панасенко презрительно чуть качнул головой, как бы сбрасывая неинтересную тему.

Жунев явно сейчас на взводе... Лучше упредить.

– Григорий Иванович, вы с чем пожаловали? – спросил Покровский Панасенко.

Тот неспешно сел.

– Накануне убийства тети Нины, в районе двадцати двух, какой-то хрен отирался ровно на месте убийства, присматривался.

На руке у Панасенко татуировка, на запястье, ГРИША вытатуировано, и ведь у Жунева забавным совпадением на том же месте татуировка с именем.

– Это от бандюков твоих сведения? – это, конечно, Жунев спросил, вытирая со лба пот большим платком в бело-голубую клетку.

– Сведения от надежного человека, знающего толк в предмете. Человечек что-то выглядывал или кого-то ждал. Среднего роста, плотный, был в светлой, возможно серой короткой куртке, ушел из Чуксина в сторону станции. Руки в карманы, немного сутулится.

Бадаев ходит в куртке руки в карманы. Правда, кажется, не сутулится.

– А лицо этого человечка видел ваш человек? – спросил Пирамидин.

– Лица не видел, но опознает по фигуре, если предъявите кандидата. Неофициально, конечно.

– Ох ведь ты... – начал Жунев, и некоторое время они еще пособачились с Панасенко, которого это даже, кажется, слегка развлекло: мент злится, а укусить не может, и еще два мента – Кравцов и Фридман... Панасенко не знал их фамилий... еще два сопляка сидят и ненавидят, но тоже укусить не могут. В каком-то смысле эта сцена и Покровского развлекла, но показать загадочному информатору некого, подозреваемых нет, а информатор дней через десять уедет на юг.

Сколь долго подозрительный тип топтался, неизвестно, информатор застал минуту, две. Вел он себя спокойно, не дергался, но информатор человек опытный и сразу подумал, что типчик здесь что-то выкручивает.

– Это он, к гадалке не ходи, – говорил Панасенко, Жунев с напускной брезгливостью возражал, что человек по сотням причин мог топтаться на месте будущего убийства. Потом встрял Гога Пирамидин, сказал, что информация любопытная.

– Я пойду квартиру вашей тети посмотреть, не хотите со мной? – сказал Покровский. – Сегодня или завтра.

– А зачем ты пойдешь? – нахмурился Панасенко. – Что тебе с тетушкой неясно?

– Испытываю непреодолимое желание, – сказал Покровский.

Ответ этот Панасенко не то что смутил, но как-то сбил.

– Были уже ваши в квартире, – сказал недовольно, но без прежней категоричности.

Договорились в результате на завтра. Простились с Панасенко почти мирно, он даже довольно вежливо выразил сочувствие по поводу траурного фото в холле Петровки. Тем не менее, едва Панасенко исчез, Жунев спросил:

– Что думаете, от себя подозрения отводит? Наплел нам тут близ Диканьки...

Покровский отлично видел, что Жунев Панасенко не подозревает, просто пар выпускает. Но Кравцов отреагировал всерьез:

– В квартире, между прочим, прописана дочь Панасенко. Ему выгодна была смерть тети!

– Ты бы тоже прописал к одинокой тетушке свою дочь, – сказал Покровский. – Все так делают.

– Ты что, забыл, сколько старушек полегло? – выруглила глаза на Кравцова Настя Кох. – Ты думаешь, это он маньяк, Панасенко?

– Я тут вызнал – он к слепым подбирается, – сказал Жунев.

– К слепым? – осмелился спросить Миша Фридман.

– Ты бы помолчал, сын Сиона многомудрый, – взорвался Жунев и швырнул в Фридмана его объяснительную. – Порви свои каракули. Зачем ты следить за Панасенко вздумал, объясни нам своими словами.

Было некоторое противоречие между «помолчал бы» и

«объясни», но «объясни» шло позже. Фридман, довольный успехом в Калуге (хотя успех относительный, ну пропала гиря позапрошлой осенью, и что), воодушевленный въехал в Москву и на светофоре заметил Панасенко за рулем «Волги». Вообразил, что он теперь и сам-с-усам, на авто... Решил, дурак, проследить, вот и оказался заперт. Спасибо Панасенке, что сразу 02 позвонил (где еще не хотели верить и выезжать). А то, что потом начал врать, еще большим дебилом себя представил – тут уж вовсе что комментировать.

«К слепым подбирается» значило, что Панасенко внедряется в одно из районных Обществ слепых. Они осуществляют производственную деятельность на льготных условиях, причем председатель с правом финансовой подписи – лицо, как правило, незрячее, и вынуждено доверять зрячему заместителю. В тесном сотрудничестве с таким председателем Панасенко и собирался расширять свой бизнес.

Удобно, трудно спорить. Это, кстати, не только у нас так бывает. Вон, Коммунистическую партию США возглавляет слепой негр, и ничего.

– А вот по существу сообщения Панасенко, – осторожно сказал Кравцов. – Серая куртка, рост, руки в карманах... Вроде приметы, а вроде и не приметы.

– Сильно лучше, чем когда вообще не было, – сказал Гога Пирамидин. – Сутулится – интересно. Будем работать.

Повидав за эти дни сотни человек на местности, он уже понимал, к кому имеет смысл обратиться повторно. У опыт-

ного оперативника сутулость и руки в карманах могут сыграть.

Другое дело, что человек в серой куртке может к преступлениям отношения не иметь.

Снова зазвонил телефон.

– Да? – спросил Жунев. – Да. Спускаюсь через пять минут.

Почесал в затылке. На него, понятно, смотрели вопросительно.

– Жена Углова в командировке была в Ленинграде, – сказал Жунев. – Договорились с ее трестом, они ее вызвали телеграммой будто бы по срочному делу. Идет уже на взлет самолет. А я в Домодедово, встречать ее.

– А пацан? – спросил Гога Пирамидин.

– У бабушки.

– И они еще не знают? – в ужасе спросила Настя Кох.

Жунев ничего не ответил, встал, вытащил из-за стола портфель. Подошел с ним к шкафу, стал что-то, не видно что, в портфель укладывать. Гога Пирамидин от души выматерился. Миша Фридман во все глаза смотрел в спину Жунева: мало знакомый с майором человек не заподозрил бы, что именно он решает на Петровке такие деликатные вопросы.

На Лубянку Кравцов позвонил, встречу ему назначили на шесть вечера, через четыре часа с гаком. Покровский посадил его оформлять бумаги, Кравцов был очень недоволен.

До Петровского парка доехали на Фридмане. Гога Пирамидин сразу растворился. Настя Кох пошла по пээндэшни-

кам. Фридману Покровский велел искать в Петровском парке следы асфальта в неурочных местах («В каких местах?!» – «В неожиданных, в любых абсурдных»), а также обратить внимание, не валяются ли где тяжелые предметы, способные стать орудиями убийства в избранной злодеем стилистике.

Сам Покровский отправился в коммуналку Кроевской, полагая застать и Раю Абаулину, которая поздно уходит на работу, и сестру Василия Ивановича Елизавету, что появляется на Красноармейской по четвергам. Застал и ту и другую: можно даже сказать, более чем застал.

С лестницы еще услышал крики и грохот, ускорил шаги, а дверь ему навстречу Василий Иванович заранее распахнул. Словно проиллюстрировал идею, что сумасшедший – существо особое, способен капитана милиции за закрытой дверью унюхать.

– Дерутся! Дерутся! – кричал Василий Иванович, потом резко сделал шаг назад и начал ловить своих мух.

Рая Абаулина металась по коридору. Кругленькая женщина в платке с криком «Мошенница!» швырнула в нее тарелку, тарелка разбилась о стену, Рая заскочила в свою комнату, тут же приоткрыла дверь и крикнула «Звоню в милицию!», хотя телефон располагался в коридоре.

– Я милиция! – поспешил выкрикнуть Покровский.

Рая и Елизавета Ивановна застыли.

Тарелка не первая, полно осколков вокруг. Василий Иванович шлепает ртом, как рыба на карикатуре.

– Мошенница! – грозно указала Елизавета Ивановна на Раю Абаулину указательным пальцем. – Комнатку оттяпала! Воровка!

– Спокойно, спокойно, – отвечала Рая Абаулина. – Отвечать будете за свои слова. Я все по закону. А вы меня покалечить сейчас могли тарелкой.

– Да я тебя! – Елизавета Ивановна метнулась к Рае Абаулиной и попыталась вцепиться в волосы. Покровский едва оттащил, получив в суе по затылку от Раи Абаулиной.

– Воровку покрываете! – кричала Елизавета Ивановна.

После освобождения комнаты в коммуналке государство могло вселить туда повзрослевшего детдомовца, например, или очередника. Но могло и передать комнату кому-то из жильцов квартиры, а при наличии льготника даже, может, и обязано было ему передать, Покровский в точности не знал правил. И уходила спокойно комната инвалиду Василию Ивановичу, в ЖЭКе это подтверждали, дело – считала Елизавета Ивановна – оставалось за малым, за оформлением документов. Но вдруг выяснилось, что буквально месяц назад Рая Абаулина прописала в своей комнате племянницу из деревни Великие Гнезда, и ситуация перевернулась, теперь именно это семейство оказывалось самым нуждающимся, если считать норму в метрах. Комната поплыла в новом направлении.

Как раз сегодня узнала в ЖЭКе Елизавета Ивановна эту страшную новость, и хорошо ее кондратий прямо там не хва-

тил, на шатком стуле с продавленным картонным сидением, среди грязно-салатовых стен. Две комнаты можно превратить по обмену в однокомнатную квартиру, и сама Елизавета Ивановна тоже ведь где-то живет. Допустим, у нее еще комната, а три комнаты... Но теперь это уже неактуальная арифметика.

Елизавета Ивановна выдвинула несколько энергичных предположений, как ухитрилась Рая Абаулина прописать племянницу поперек московских правил, ответа по существу не получила, вот и пошли в ход тарелки. Рая Абаулина потом сказала, что, в общем, сестру соседа понимает и зла на нее держать не станет, что Елизавета Ивановна вообще «не такая», а тут ясно, квартирный вопрос, и Василий кивал головой, кричал: «Не такая!» Но и Раю Абаулину надо понять, племяннице-то где-то жить надо. Елизавета Ивановна кричала, что никакой племянницы тут отродясь не бывало, а Рая Абаулина отвечала, что как же, почти каждый день заходила, и Василий Иванович кивал головой, кричал «Ходят! Разные ходят! Крашенных много!» Прямо сейчас? Нет, прямо сейчас она в деревне, но скоро переберется в Москву окончательно. Сколько, кстати, будет опечатана комната? А сколько длится следствие? Ясно. А... Золотые зубы оказались у Раи Абаулиной, вот что. Не меньше двух в нижнем ряду. Вчера в ресторане Покровский этого не разглядел. Но вообще помятая, растрепанная, разгоряченная схваткой Рая казалась сейчас почти красивой в этой растрепанности сво-

ей, с веселой размазанной косметикой. Чертыхаясь, пошла перекрашиваться.

С Елизаветой Ивановной на интересующие Покровского темы побеседовать не удалось, она то кричать начинала, то за сердце хваталась и на стул плюхалась. Ладно, позже. А с Раей Абаулиной разговор вполне получился. Она даже, направляясь в ресторан, не сразу на трамвай пошла на Ленинградку, а проводила Покровского до Петровского парка. Ну, путь не дальний, но все равно приятно.

По дороге Покровский развивал прилипчивую тему жилплощади. Сказал, что рад за Раю, что у нее так удачно все в этом смысле с племянницей складывается.

– Жила в деревне, а тут хоп – сразу в Москве! Замечательно!

– Да, – осторожно согласилась Рая Абаулина. Не могла понять, что у Покровского за интонация. И спохватилась. – Забот на мою голову, хочет в техникум, а в тот техникум еще поди протырься. В деревне вторая еще подрастает...

– Это все ерунда, – беспечно перебил ее Покровский. – Главное, есть где жить. А потом можно одну племянницу за Василия Ивановича замуж. Туда-сюда...

– Туда-сюда? – переспросила Рая Абаулина.

Руки пухлые, сдобные, что называется. Самый цвет. Так и хочется прикоснуться. Чисто тактильное желание, даже до чувственного интереса. Скоро сдоба перейдет решительную черту, потечет, размякнет, как тесто сбегает из бадьи, или из

чего оно там сбегает. Но вот прямо сейчас – консистенция идеальная.

– Конечно, туда-сюда и весь сказ! Потом Василия Ивановича в стационар по психиатрической линии, вот уже и три комнатки у вас.

Раиса остановилась, воззрилась на Покровского, определялась с реакцией. Покровский сказал:

– Или двух.

– Что или двух?

– Двух племянниц за Василия замуж, чтобы сам в стационар запросился.

– У нас двоеженство запрещено, – важно сказала Раиса Абаулина.

Хохот наружу не вылился, хотя веселье прямо плясало на резко посвежевшем лице. Есть (или было) такое, кажется, искусство – почти довести до самого до момента, до точки, до влажного взрыва – и сбросить газ, отложить встряску-развязку...

– А машину вы какую покупаете, если не секрет?

– Знаете про машину?! А! – губы презрительно скривились. – Обсос вам сказал? Я при нем сказала подружке, что жду открытку. «Москвич» покупаю, не барыня. Денег брат дает. Отец племянниц, Сашка. Он бригадир в колхозе, серьезный мужчина. Колхоз у нас миллионер, так что...

– Очередь-то длинная.

– У меня появилось ощущение, что возьмет да ускорится.

Смотрит лукаво. Охотно включилась в игру.

– А как вы Николая Борисовича назвали? Атосом?

– Не Атосом, а обсосом! – рассмеялась Рая Абаулина. –

Скажите, Атосом. Много он вам порассказал?

– Как раз не особенно. Не склонен лезть в чужие дела, несколько раз повторил.

– А что он мог рассказать? Что ко мне подруги заходят и племянница? Что меня мужчины на машинах подвозят? Это, знаете, я право имею...

– А к нему кто-то ходит? – спросил Покровский. – К Бадаеву?

– К нему-то... Не сказала бы. Когда я только заехала, ночевала иногда одна... И потом приходили еще какие-то. Но редко.

– К вам приставал?

Рая Абаулина ответила буднично, деловито:

– Лез, конечно. Получил полотенцем по мордасам, больше не лезет.

– То есть предметом он интересуется, но к нему не ходят. Сам, может, к кому ходит?

– Дома всегда ночует. Я, знаете, – Рая Абаулина перешла на доверительную интонацию, почти на шепот, – что думаю. Он же там у себя в ЦСКА какой-то мелкий начальничек. Вот и прижимает подчиненных бабенок по бытовкам. Раз-раз, отстрелялся, даже конфет покупать не надо... Дело известное.

Рая Абаулина улыбнулась кривовато, с элементом цинизма, что скорее подошел бы мужчине-руководителю, которого такое мироустройство вполне устраивает, чем возможной жертве этого мироустройства.

Небо ясное, освещение на аллее не то, что в ресторане или в коридоре коммуналки. Не только задорный блеск глаз видно, не только сливочную кожу, что отливает молодостью и здоровьем, но и прыгающие подушечки под подбородком... Им, впрочем, еще нужно время, чтобы взять власть.

И платье кримпленовое великолепное, со сложным абстрактным узором, фиолетовое, лиловое, лимонное, в Дом кино не стыдно, а сверху чудовищным диссонансом – пушистая розовая кофточка.

Чуть-чуть щурится, зрение, наверное, не идеальное... Очень трогательно.

Рая Абаулина, кажется, не могла понять до конца смысла того взгляда, которым Покровский ее окатывал.

Есть ощущение, что мент проявляет симпатию, но это, наверное, наигранное. И вообще непонятный... Что за шуточки про замужество на Василии? И, кстати, в чем дело-то вообще!

– Непонятно, что вы выведываете! Весь район знает, что маньяк старушек убивает, – Покровский почувствовал, что Раю Абаулину передернуло. Но буквально тут же она весело хихикнула. – Не Василий же Иваныч маньяк. И не пупырь. Это я про обсоса. Иногда я его еще пупырем называю. Мо-

жет, думаете, я маньяк?

И опять хихикнула. И тут же посерьезнела.

– Ужас что... – махнула рукой. – Вы уж его найдите скорее. Но что вы про нас-то выпрашиваете?

Покровский вздохнул.

– Понятно. Найти не можете, тычетесь куда попало, – справедливо заметила Рая Абаулина. – А как думаете, он еще будет? Ну, это...

– Никак не думаю, – сказал Покровский.

В комнате Кроевской Рая Абаулина никогда не бывала. Считала Варвару Сергеевну женщиной сухой и даже высокомерной, но чужая душа потемки, а ничего плохого Варвара Сергеевна никому не делала. Подругу Кроевской Рая не помнила. «Я же сама тут только два года, может, раньше...»

– А вы знаете, что Варвара Сергеевна была в лагере?

– Нет, – растерялась Рая Абаулина. – За что?

– Тайна следствия, – начал Покровский. И добавил: – На самом деле, еще не знаем, там документы затерялись. Выясняем.

– Надо же, – Рая Абаулина сначала состроила изумленное лицо, но тут же сказала: – А что такого вообще-то. У нас половина сидела, половина сажала. Не поймешь часто, кто правый, кто виноватый. Расскажите, когда узнаете, за что?

Сразу смутилась:

– Ой, простите за нахальство такое!

– Ничего...

В парке Рая показала Покровскому скамейку, на которой дважды видела сидящей покойную Варвару Сергеевну.

– Только на этой?

– Да. А я в других местах парка и не бываю. Только здесь иногда прохожу, если иду через «Динамо».

И эта скамейка на отшибе, за спиной Петровского замка, перед тропинкой, что ведет к одинокому зданию на Трудовой аллее, серому, загадочному, за забором, про него ходят слухи, что это вход в «метро-два», а на самом деле оно просто как-то связано с электроснабжением метрополитена.

Но здесь убить старушку не получилось бы, скамейка почти у дороги, парк для нее – только фон. Вдалеке от всего скамейка, но – как на сцене.

– Давно вы ее тут видели?

– Оба раза в прошлом году видела, точно не помню...

Ой! – сказала вдруг Рая Абаулина. – А я вас узнала.

– Только сейчас?

– Мне мерещилось, но я не понимала. Да у меня и зрение... Пора очки заводить. Сегодня-то вы в форме, а вчера без формы. Надо же, как форма меняет!

– Как мне лучше? – спросил Покровский.

Рая Абаулина смутилась.

– Одинаково хорошо? – спросил Покровский.

Представил, как на Рае Абаулиной смотрелись бы очки: над большим ртом, такой «чувственным» называют.

– Я вчера плохо помню. А в форме вам точно хорошо,

идет.

– А вам лучше без фартука официантского, – сказал Покровский, заодно и пушистую лишнюю кофту с Раи как бы мысленно сняв.

– А я всю жизнь и не собираюсь, – ответила Рая Абаулина с веселым вызовом.

Ушла, качая бедрами... Солнце как раз растолкало тучи, осветило гладкие икры.

Обернется.

Обернулась, улыбнулась. Помахала рукой. Покровский тоже помахал.

Побрел вглубь парка, продолжая заглядывать под кусты и скамейки, в дупла деревьев, дошел до Мишиного «Москвича». Договорились – поскольку было неизвестно, сколько Покровский на тринадцатую квартиру потратит – что Миша к машине время от времени будет и сам подходить. А Миша тут и ждал, нетерпеливо расхаживал, курил... Новую родопину как раз из пачки вытаскивал. Он не только нашел асфальт – маленький, со спичечный коробок, кусок – но и в очень интересном месте, под одной из скамеек.

– Молодец, Миша! – не сдержался Покровский.

– Спасибо, – расцвел Фридман.

– Ты что, на коленях по всему парку?

– Не по всему. Но раз тот кусок был под скамейкой, я и решил повнимательнее посмотреть подо всеми скамейками. А эта недалеко от той.

Да, эта скамейка глубже в парк, но близко к тому же самому краю, примыкающему к Петровско-Разумовской аллее. Покровский сел, посидел и на этой. Прямо по курсу сосна со скворечником, птиц не видно. Что-то здесь... понятно, что. Не только птиц – людей тоже не видно. Эта скамейка, как и та самая, стоит уединенно. Парковый архитектор или кто, распорядитель парковый или парковый агроном, соорудил тут две симметричные зоны, в которые труднее забрести транзитному пешеходу. И вот в одном из таких закутков грохнули старушку асфальтом, а в другом под такой же скамейкой такой же – наверняка тот же самый! – асфальт.

– Вы думаете, товарищ капитан, не случайно тут асфальт оказался? – спросил Фридман.

– А что значит «случайно»? Ветром прикатило?

– Ветром не могло.

– Человек значит притащил. Зачем?

Пошли посмотрели на те большие, что Покровский нашел в канаве. Лежат. Надо забрать для Кривокапы, что им тут лежать. Вышли на проезжую часть, Покровский снова прикинул, легко ли было рабочему зашвырнуть эти куски в канаву прямо с дороги. Зашвырнуть-то легко, но шансы повредить кусты довольно высокие. Вроде в порядке кусты... Ну, можно было перекинуть кусты навесиком, чтобы не дальше улетели в парк, а именно в узкую канаву упали. Миша не понимал смысла этих рассуждений, а тут еще и дальнейшие события отвлекли:

– Настя бежит!

Да, Настя Кох торопится, раскраснелась, споткнулась, чуть не упала, то есть даже упала на колено, бежит дальше, прихрамывая. Покровский и Фридман навстречу:

– Что случилось?

Настя отдышалась, рассказала. Пээндэшник из списка – двадцатилетний парень по имени-фамилии Федор Клюн – живет с родственниками, с двоюродной прабабушкой, троюродным дядюшкой, его приемной племянницей... Шесть человек в трехкомнатной хрущевке на Черняховского, за гастрономом «Комсомолец». В данный момент дома прабабушка, старая, полуслепая, сказала, что Федька «гуляет». Настя поймала на улице постового милиционера, оставила его дежурить, сама быстро в парк.

– Настя, погоди, а что такое там, что надо милиционера и ты к нам рванула?

– Да галоши, галоши!

Галоши в прихожей, именно сорок четвертого, по прикидкам Насти Кох, размера, и еще Федор Клюн, если верить данным из ПНД, «хорошо физически развит».

На Мише до Черняховского – минута езды. Первый этаж. Милиционер, совсем молоденький, усы не обсохли, встретил их у порога квартиры. Кровь на лбу. Увидел Покровского в форме, встрепенулся:

– Здравия желаю, товарищ капитан! Сержант Молодько!

В квартире обнаружилась древняя старушенция, жевала

что-то и одновременно вязала. В лиловом пластмассовом шаре у нее под стулом приплясывал клубок шерсти.

«Федька герб взял. Гулять убег», – прокомментировала, не переставая жевать и вязать.

Молодько, выяснилось, сидел в коридоре на стуле. Двухметровый Клюн прибежал со стороны двора и, чтобы сократить путь, запрыгнул в одну из комнат через окно, схватил там герб, Молодько поспешил на шум, Клюн вылетел из комнаты и гербом, который держал на отлете, просто скovyрнул сержанта с дороги. Молодько впечатался головой в стену, даже сознание потерял.

– Я ему нашатырь. Да пока до кухни дошкрабала, да пока обратно с нашатырем, он и очнулся, – объясняла старушенция.

А Федор Клюн усвистал.

И что за герб?

– Вы все о гербе каком-то говорите, что за герб?

– Да Федька герб притащил со стройки, неделю уж. Стоял у телевизора, все царапались об него. Я говорю, Федька, собачий ты сын, унеси ты герб от греха подальше...

– А что за герб? С какой стройки?

– Сказал, со стройки.

– Большой герб?

Показала косую сажень, метра полтора.

Глаза у бабушки прозрачные и еще такой вроде как беле-сой пленкой покрыты. Но что-то, кажется, видит.

– Такой огромный?

– Большой герб, говорю вам, – рассердилась бабушка.

– А из чего он?

– Железный, из чего еще, – тоже сердито сказала, будто не из чего, кроме железа, предметов и не бывает.

Интересно. Железным гербом по макушке. Но что за герб-то вообще?

– Это герб СССР?

– Да кто ж его знает!

– А что на нем нарисовано?

– Да почему мне знать! Обычный герб.

А галоши у порога – да, сорок четвертый. И новые.

Милицейский жигуль, веселый, свежий, ярко-желтый, ярко-синий уже подъехал: Фридман сразу позвонил от соседей, а отделение тут – то самое, из которого Кравцова в КГБ отослали – в двух шагах. А ситуацию объяснять и двух слов не понадобилось: про маньяка все слышали, и на поиски мгновенно бросили человек пятнадцать, включая курсантов, которые пришли в отделение на учебное ознакомление. Федьку многие знали, а кто не знал, так у Федьки приметы броские – огромный, бритый наголо, в синем олимпийском костюме, язык часто высунут... с гербом каким-то, черт бы его драл.

У подъезда столпились соседи, местные милиционеры стали их разгонять, но Покровский вмешался, поговорил с людьми: все как один называли Федьку психом неагрессивным, дважды прозвучало «мухи не обидит».

Милиционера Молодько страшный Федька не хотел, конечно, повредить, а просто не заметил. И сержанту так показалось, и старуха однозначно заявила:

– Да Федька не видел его! Не хотел стукнуть! Федька мирный. Гулять побёг.

Вышли на улицу, на скамейку. Покровский отправил Фридмана в «Комсомолец» за яблоками и кефиром.

– А...

– Без нас поймают такой толпой.

Причем быстро поймают, но дознание, протоколы, родственники, возможно, и санитары – все это до ночи, а если Федька окажется реальным подозреваемым, то и до утра. Так что осмотр комнаты Кроевской переезжает, похоже, на завтра.

– Как думаете, это он? Бабушек? Федор Ключон? – спросила Настя Кох нетвердым голосом.

Настя уже пять лет на оперативной работе, всякого насмотрелась, вместе с Покровским брала с поличным одного нездорового фотографа, который в морге снимал жонглирование отрубленными конечностями и называл это прорывом в искусстве, но маньяк – все же личность совсем с Луны.

– Он! – коротко и грозно раздул Миша Фридман волосатые ноздри. Тут же смутился. – Очень похоже...

Очень похоже Мише было, конечно, прежде всего потому, что очень уж хотелось поскорее поймать злодея.

– Наш-то хладнокровный и аккуратный, а этот какой-то

бешеный псих, неорганизованно носится, – сказал Покровский.

Достал платок, вытер губы, запачканные кефиром. След явно ложный, одно утешает, быстро найдется Ключ. Конец рабочего дня, людей на улице навалом, школьники во дворах, люди с собаками, толкотня у магазинов. Громадный человек в синем костюме с громоздким предметом в руке куда побежал? Многие видели, за угол побежал, в ту сторону, в эту, получалось сначала, что в сторону улицы 8 Марта, будто сам наладился в стационар, а герб привлек в качестве доказательства готовности к госпитализации.

– Не герб он тащил, а орден какой-то!

– Не какой-то, а Трудового Красного знамени! Я еще удивился, толстяк с орденом Трудового Красного знамени... Такой, метр в диаметре. С крыши какой-то...

Потом маршрут уточнился – чуть дальше, к Верхней Масловке бежал Ключ, и все с орденом. Поехали на Масловку. На повороте, что к Петровскому парку, застрял грузовик, из-за этого и трамвай не мог проехать, перегородил «Москвичу» дорогу. Покровский вышел из машины, позвонил из автомата на Петровку. Кравцов сходил на Лубянку, там его строго выпросили, чего и как, милостиво разрешили посмотреть дело Кроевской Варвары Сергеевны. Да вот только архив до половины шестого. «Пришли бы раньше, сегодня тогда и посмотрели бы, а так завтра». – «Вы мне сами назначили на шесть!» – «Завтра, значит, приходите».

Из будки вышел, подскочила Настя Кох: обнаружено здание, в которое вбежал человек с орденом. Еще один конструктивистский дом, но, в отличие от желтого хлипкого, в котором жила Кроевская, этот серый и крепкий. Городок художников так называемый, мастерские.

В небольшом холле груда старых подрамников, красно-белая бочка с иностранной надписью. Длинный пустой коридор, мрак, две-три лампочки горят, едва виднеются мутные очертания изваяний. Лестница наверх уходит, заляпанная белилами.

На площадке второго этажа сидел на подоконнике заросший человек в тельняшке, настраивал балалайку, курил папиросу. Банка из-под бычков в томате под пепельницу. Увидел милиционеров, не удивился:

- Вы на пьянку? Это у Гурьева. Прямо до конца слева.
- А человек такой здоровый...
- С орденом? Тоже у Гурьева.

Еще крикнул в спину что-то вроде «тоже щас приду»... Не пришел, кстати.

Из-за двери мастерской Гурьева раздавались веселые голоса, играла музыка. Покровский толкнул дверь.

Взорам стражей правопорядка открылась типичная мастерская художника-халтурщика из журнала «Крокодил». Через огромное скошенное окно лилось мягкое вечернее солнце, безжалостно высвечивало нравы и быт. Тут и там стояли и висели обрубки и болванки доярок, трактористов и

сталелитейщиков. Ящик с пустыми коньячными бутылками, пол-ящика полных, пустые, полные и полуполные бутылки из-под других и с другими спиртоносными напитками катались по полу, передавались из рук в руки. Женщина в черном платье, задранном высоко, в черных колготках, с большой задницей спала на диване, лицом к спинке. Намандариненная девица в летнем комбинезоне желтого и зеленого растительного орнамента, с ярко-красными губами, кокетничала на продавленной софе с рыжебородым дистрофиком в коротких брюках и рыжих носках. Стол завален объедками, ошметками, окурками, тарелками, макаронами. Тут и там маячили мольберты и планшеты с небрежными эскизами и набросками. Большой рыжий кот флегматично жевал под стулом рыбий хвост. Кто-то нервно ходил. Краснолицый толстый человек в шортах – хозяин мастерской, судя по центральному месту в композиции, – закинув ногу на ногу, курил сигару. Два молодых человека в узких черных пиджаках и в красных галстуках, в белых штанах, в кедах на босу ногу наострили карандаши над большими альбомами, нацелились на подиум.

На подиуме сидел Федор Ключ в синих тренировочных штанах с голым торсом, волосатым свисающим животом, с высунутым языком, с дюралевым массивным орденом Трудового Красного знамени в обнимку.

30 мая, пятница

Спал Покровский мало, вернулся накануне поздно, ел еще бутерброды с сыром на темной кухне, под отдаленную музыку (включил пластинку в комнате), под свет из коридора (над головой не хотел зажигать). Потом от переутомления долго не мог заснуть. Разрозненные куски асфальта кружились меж фонарей и деревьев, и Покровский хотел сбить эти куски – не как вертолеты сбивают, а сбить в целостную, так сказать, картину. И ему даже показалось, что получилось, что он постиг смысл этого парящего асфальта. И тут Жунев звонит... за пять минут до будильника. Девяти не было, Покровский приехал, зевая, в Соломенную сторожку, то есть на улицу Соломенной сторожки, в квартиру или на квартиру Нины Ивановны... Предлоги путались, как и мысли.

Панасенко, который приехал еще раньше, ждал от Покровского конкретных вопросов.

– Ваши? – спросил Покровский про несколько пакетов с авоськами, что обнаружили в комнате под столом.

Штук двести авосек из красной крепкой нити. Хорошо сплетены.

– Мои, чьи ж еще, – сказал Панасенко. – Никак не вывезу. Подарить парочку?

– Это вы при понятых, Панасенко? Как не стыдно! – Повернулся к понятым, пояснил: – Отсюда ничего нельзя выно-

сидеть без протокола. Даже мне, милиционеру. Все действия – только с вашей подписью.

Понятые – молодая парочка, снимают квартиру в этом подъезде – растерянно кивнули. Неудачно выбрал понятых местный старшина. Молодые с трудом высиживают несколько часов, если серьезный обыск. Елозят и отвлекают. И с их стороны недальновидным было согласиться пойти в понятые. Не сообразили спросонья или испугались отказаться, живут-то по этому адресу без прописки. То есть в теории все это неудачно, а на практике вышло удачно, все закончилось через час. Да, Покровский планировал к Нине Ивановне всерьез и надолго, но график дня сломался в самом начале. Теперь, чтобы под Жунева подстроиться, надо быстро Соломенную сторожку покинуть. Можно было вообще отменить, но из-за Панасенки не стал отменять.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.